



**ОТ НАС ЗАВИСИТ,
ПОТРЕБУЮТСЯ ЛИ
НАШИМ ДЕТЯМ
ТАКИЕ
ЗАЩИТНЫЕ КОСТЮМЫ...**
(Читайте стр. 4—9)

Фото Евгения СТЕЦКО

О трудном комсоре замолвите слово. Очерк
Умные не требуются. Размышления публициста
Короткие рассказы Юрия Нагибина
Родильный дом без ретуши. Мнение специалиста
Режиссер Сергей Соловьев. Автограф «АССОЙ»
Споры в центре Москвы. Фотоочерк

СМЕНА 14 88

Всего на один этаж поднялся над землей дом будущего молодежного комплекса, а уже виден с него весь поселок: и почерневшие избы старого Богородского, и отроду серые бетонные девятиэтажки, и даже котлован, где возводят Загорскую гидроаккумулирующую электростанцию (ГАЭС).

Деревенька, славившаяся в былом своей резной богородской игрушкой, тихо угасает; старожилы ее считаются богородцами, а племя младое — газсовцы и газсовки. Одна из юных газсовок на наших глазах увязла в грязи у забора МЖК, потеряла ботинки и так круто при этом выразилась, что парни, прекратив работу, долго провожали ее глазами.

— К автобусу пробираться, — уважительно отметили они.

Передвигаясь по поселку, приходится уповать на сверхъестественные силы. Не в состоянии преодолеть «полосу препятствий» из липкой грязи, автобус останавливается километрах в полутора от него. А без автобуса не жить: он возит поселян в Загорск. Манят их туда не золотые купола Сергиевского Посада, а вещи прозаические и повседневно необходимые — кино, кафе, магазины; больница. Все то, без чего вот уж полтора десятка лет ГАЭС как-то обходится.

По выходным и после получки, когда в местном клубе крутят надоевшую индийскую мелодраму, а телевизор в общежитии опять не настраивается, молодежь косяком валит в соседний поселок — Реммаш. Там занимают неизменно очередь и возвращаются после обеда веселые, волоча тяжело позвякивающие сумки. Оттого и название народное — Рюммаш.

— Скучно у нас, — говорят ребята, опершись на лопаты, — последнее время просыпаться начали. А раньше...

За минувшие годы, следуя минэнерго-

— В жизни нашей комсомольской организации есть два периода, — считает новый секретарь Надя Лихачева, — до Шурухина и после. До него комсомол тут в упор не видели, хотя стройка была Всесоюзной ударной.

Пуск первого агрегата этой «ударной» намечали на 1983 год. Об этом кричала огромная надпись на откосе котлована. Потом «3» заменили на «4», потом на «5», потом цифры исчезли. В нынешнем году, с пятилетним опозданием, первая машина станции покрутилась всего пятнадцать минут.

Кого-то снимали, кто-то уходил сам, тихо канул статус «всесоюзной», поселок наводнили лимитчики. Три года они терпели неустроенность быта, неорганизованность работы, а получив штамп постоянной прописки, опрометью бежали куда глаза глядят. Глядели же их глаза на любую другую подмосковную стройку, где и жить по-человечески можно, и работа нормальная, и квартира обещана.

Из молодых лимитчиков и состояла комсомольская организация. Если кадровки заставляли, ребята становились на учет, а когда заполняли обходной перед увольнением, снимались с учета. К этому в основном комсомольская работа и сводилась. Еще протоколы, справки, взносы, дележ талонов на дефицит.

— Что вам сказать, — разводит руками секретарь парткома стройки Валерий Федулов, — у нас прежде под праздничными приказами комсомол-то и подписать забывали...

— А потом? — спрашиваю я.

— Потом, — он улыбается, — Потом появился Шурухин.

Шурухин появился на стройке после трех лет работы в крупнейшем КБ, где под руководством именитого академика мирно продвигался к защите кандидатской диссертации. Защититься не успел: разругался с начальством

мать. Мог вспылить, раскричаться. Я им, однако, очень дорожил.

Саша родом из Волжского. Там его знали — он состоял на учете в милиции, пил, курил, дрался. Почти случайно оказался в математической школе. Кулаком доказать тут ничего не смог, лидерство признавалось по другим параметрам. Одноклассники готовились кто в физтех, кто в МГУ. Он и названий-то подобных не слышал, но и тут рвался в первые.

Много лет назад Сашину отцу довелось монтировать какое-то оборудование в Московском высшем техническом училище имени Баумана. Сияние академической науки потрясло его на всю жизнь, и, награждая сына подзатыльниками, он любил приговаривать: «Таких олухов в МВТУ не держат!»

И все-таки Шурухин блестяще окончил математическую школу и стал студентом МВТУ. Характер, впрочем, остался у него прежний, потому и не прижился в КБ, потому и сумел раскатать свою «железобетонную» первичку в УОС.

— УОС при Саше стал самой живой нашей первичной, — вспоминают в комитете комсомола. — Опыта общественной работы он не имел, но брал своих комсомольцев искренностью и откровенным желанием принести пользу. Если организовывал субботники, забывал про лозунги, но не забывал про лопаты и подготовку рабочих мест. Если обещал устроить выезд в бассейн, обходился без протокола, но автобус добывал обязательно.

О бассейне стоит сказать особо. Сейчас эти выезды стали на стройке традиционными, а начинались они с Шурухина. В то время от комсомола вообще и от Саши в частности начальство отмахивалось как от назойливой мухи. Он просил, ходил, писал, а потом, после очередного отказа, запустил в тогдашнего главного диспетчера табуретом.



фото Альберта ЛЕХМУСА

... ПО СОСТОЯНИЮ СОВРЕЩ...

Юрий МОГИЛЕВСКИЙ

вской традиции, покорители полуживой речушки Кунья извели и в поселке, и окрест всяческую растительность, разбросали битые бетонные плиты и ржавое железо. По горизонту — лес, тут — пустырь. Соорудили «временный поселок» — из щитовых домиков, сама собой выросла «нахаловка» — самодельные жутковатые лачуги; протянулся вверх «постоянный поселок» — из наспех сцепленных щелястых бетонных коробок.

Потом появился Шурухин.

— Если бы не Шурухин, — сказал мне прораб, — если бы не он!..

Без малого два года Александр Шурухин пробыл секретарем комитета комсомола стройки. Недавно его назначили главным диспетчером.

и ушел. На ГАЭС его взяли механиком, в этом качестве он занимался обслуживанием нескольких бетономешалок и насосов в управлении основных сооружений, сокращенно — УОС.

Четыре месяца понадобилось новому механику, чтобы стать секретарем усовской первички. Дело было не столько в повышенной активности, сколько в подходящем возрасте, образовании и анкете. Он «соответствовал» и потому был избран.

— Парень необыкновенно интересный, — вспоминает его бывший начальник, — природный инженер. Талантливый, эрудированный, инициативный. А вот с людьми работать не мог. На стройке сложился свой стиль, свой порядок, а Шурухин не желал его прини-

Кидал с расчетом — чтоб не попасть, но автобус дали и к заявкам молодежи начали относиться внимательней.

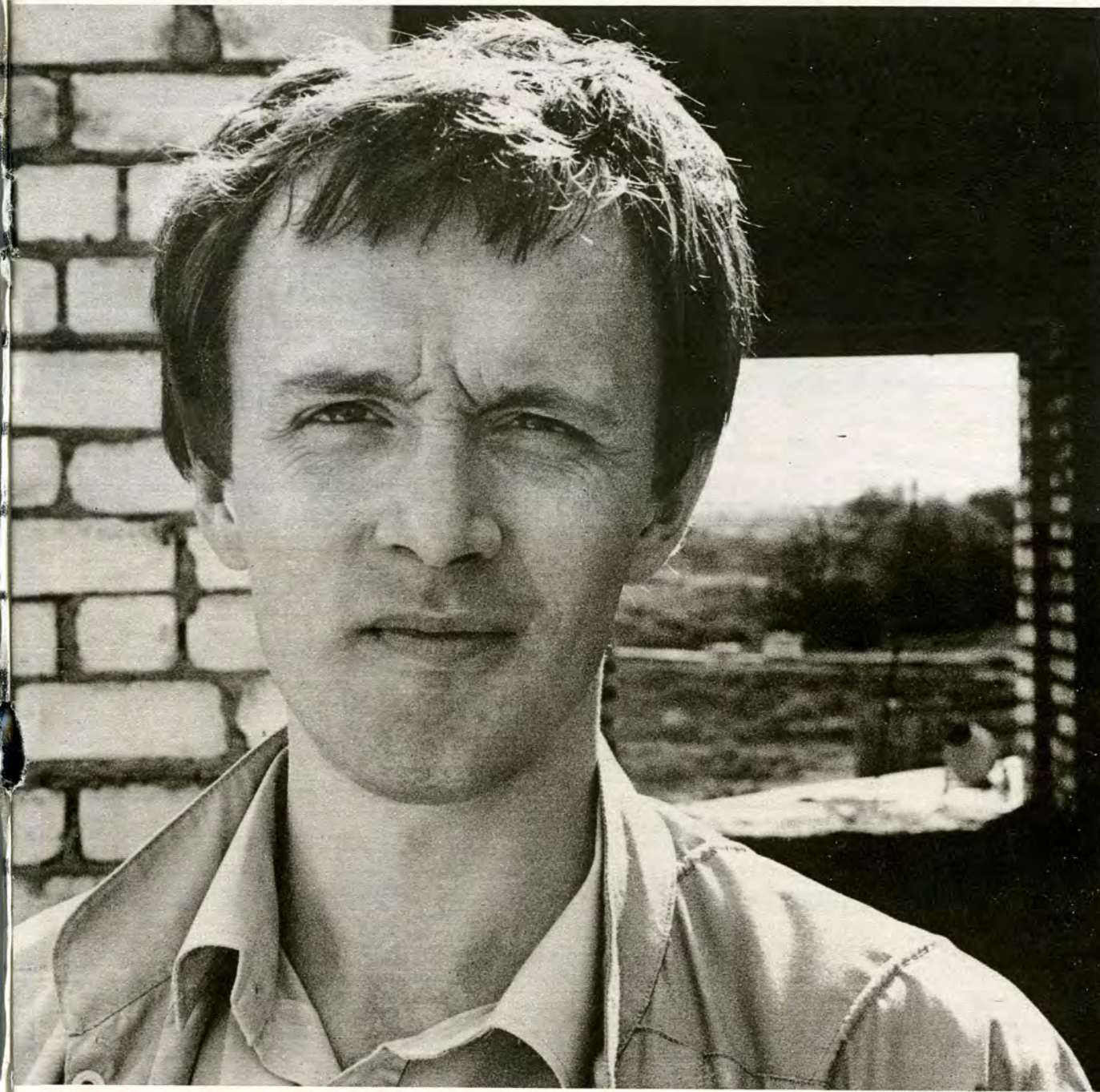
— Нахал, — сказали мне о Шурухине в управлении строительства, — и крайне самоуверенный тип. Может наорать на начальника стройки, взялся критиковать одного крупного руководителя... А знаете, что он выкинул на штабе Минэнерго?

Так или иначе, но Сашу заметили, и, когда прежний секретарь комитета комсомола сменил кресло, Шурухин был назван среди прочих кандидатур. Это был самый нежелательный вариант: слишком самостоятелен, ироничен, не признает авторитетов. Его назначе-

ние казалось настолько нереальным (даже не член комитета комсомола), что после общего собрания, где Сашу ввели в комитет и избрали секретарем, многие искренне считали: допущен самотек и самоуправство среди молодежи.

Итогом собеседований в обкоме и горкоме комсомола стало то, что Шурухин вызвал искреннюю антипатию аппарата. Его пренебрежение к справкам и отчетам, готовность пуститься в спор, попытки давать аппарату задания в дальнейшем только крепили неприязнь к обнаглевшей газсовской организации.

А она и впрямь подняла голову... Поначалу Шурухин пытался вмести-



ИЛИ ПОЧЕМУ ТАЛАНТЛИВЫЙ ЛИДЕР УШЕЛ С КОМСОМОЛЬСКОЙ РАБОТЫ

ваться в производство. Он вымогал в управлении длиннющие «комсомольские» приказы, сулившие секретарям подразделений неслыханные права. Но секретари были равнодушны и к приказам, и к правам. Он составил график дублерства и добился особого приказа о дублерах. Но молодые специалисты не желали быть дублерами и смеялись над шурухинскими фантазиями. Ему не верили изначально уже потому только, что он был комсомольским секретарем. Саша еще не успел никого обмануть или подвести, но на пути его уже стояла прочная, не за день выросшая стена общего недоверия.

Комитет комсомола был привычно пуст. Новый заместитель — Надя Лихачева — печатала ведомости и протоко-

лы. Благодаря ее аккуратности комсомольское начальство звонило все реже: то явку чью-то велеть обеспечить, то справку подготовить. Жизнь текла по устоявшейся колее, и вырваться из нее, казалось, уже невозможно.

— Стройка вступила в период всеобщего разочарования, — вспоминает секретарь парткома Валерий Федулов. — Всем стала очевидна беспомощность руководства, несколько позорных аварий констатировали атмосферу безответственности и головотяпства. Вскрылись серьезные нарушения при распределении жилья, люди утратили доверие к выборным органам. Тысячная очередь на жилье и мизерное жилье строительство, запущенный соцкультбыт... Газеты трубят о перестройке,

а у нас — трясина, застой, тоска... Никто тогда не верил, что Шурухин раскочует ребят, да и не до Шурухина всем было!

...Груженный бетоном КРАЗ, трясясь всеми своими тоннами, везет меня в котлован.

— Так тебе главный диспетчер нужен? — косится на меня водитель. — Это к Шурухину... Только он, по-моему, тут ненадолго.

— Почему ненадолго, работает плохо?

— Работает нормально, только слишком высовывается. Месяц назад назначили, а начальнички уже волками поглядывают. Или подстроится к ним, или сломается... Как в комитете.

— Думаешь, сломался?

— А то как же! Его эти, в галстуках, на дух не выносили. Ну и он их соответственно... Приехали, слазь.

Итак, не сумев привлечь молодежь к проблемам стройки, Шурухин задумался. Мириться с всеобщей спячкой, опустить руки перед стеной насмешливого недоверия ребят он не мог. Но что же делать? Как их расшевелить?

Квартира! Почти каждый мечтает о квартире. Самый большой и самый безнадежный вопрос для молодежи поселка. Если комсомол сумеет взять его

решение в свои руки, люди поверят в организацию, потянутся к ней. «Или прошибу эту стену, — решил секретарь, — или голову разобью».

Ход мыслей достаточно прост, очевиден. Но очевидно и другое — протащить подобную идею сквозь кабинеты затюканного производственными неудачами начальства будет крайне тяжело. Его учили мыслить строго. Альтернатива есть? Альтернативы нет.

...В котловане Шурухина не оказалось. Был обед.

— Я в комитете, — сказал он по телефону, — давай, пока обед не кончился.

За своим бывшим секретарским столом Саша сидел подчеркнуто осторожно, чтобы не перемешать Надины бумаги. Смотрел уже отстраненно, но трубку телефонную хватал сразу — объяснял, жучил кого-то, торопил.

— Поговорим, — сказал мне с улыбкой, — если не прогонят.

— Альтернативы не было, я это понял, — подытожил к концу беседы. — Ребята плевали на комитет и на меня. Иначе я не мог их встряхнуть.

— С комитетом советовался?

— А как же... Выслушали, хочу, мол, дом строить. Хочешь? Ну и строй...

На стройке было объявлено: желающим стать членами МЖК следует подать заявления в комитет. Заявления не несли. Напечатали в многотиражке статью. Заявлений нет. После собрания наконец понесли. Правда, отдавая, не забывали ухмыльнуться: очередная-де липа.

Тогда и произошел тот памятный инцидент на штабе Минэнерго. Опытные управленческие волки снисходительно втолковывали Шурухину: чтобы затея удалась, нужно, чтобы она «прозвучала» на высоком совещании и попала в протокол. Что ж, совещание было более чем высокое. Саша приволок пачку из пятисот заявлений, проштудировал передовые статьи центральных газет. Когда ему предложили выступить, слова ушли и остался только страх и стыд. Страх — что откажут, стыд — перед ребятами.

Он вскочил и, как вспоминают очевидцы, начал выкрикивать малосвязные фразы о перестройке и молодежи. Махал рукой с пачкой заявлений, они выскользнули из вспотевших пальцев, веером полетели в самого главного из начальников. Сел, обреченно затих.

Руководство хранило невозмутимость, но после совещания поинтересовалось в узком кругу:

— А этот шумный юноша... чего он хотел? Ах, молодежный комплекс? Надо бы записать в протокол, дело хорошее...

Строительство МЖК произвело в поселке впечатление разорвавшейся бомбы. Прежде всего потому, что неразрешимость проблем и изначальная обреченность инициативы считались тут аксиомой. Эта вера избавляла от необходимости решать проблемы и позволяла жить без инициативы.

Шурухин опроверг аксиому и нажил врагов.

Кроме того, он покусился на незаметность чиновного люда, единственной подлинной квалификацией которого была причастность к тайнам прохождения бумаг и собирания подписей. Шурухин презрел «разрешительный» механизм и от отчаяния, и от полного своего бюрократического невежества, ухитрился получать подписи и визы, которых иные ждут годами.

Тогда он прослыл нахалом и авантюристом.

Полусонный ГАЭС, серый, грязный, неуютный, спокойный, встал на дыбы. Воду рыли, клали бетон, прокладывали дороги и дорожки, возили гравий, сажали деревья.

- Надо ли повышать цены?
- Можно ли экономить на школьном учебнике?
- И это называется лечением?
- Сексуальное воспитание: цинизм или необходимость?

шем Минпросе совсем не задумывались о последствиях своего решения сэкономить бумагу. Можно ли экономить на школьном учебнике? Может быть, лучше поменьше издавать сериатины? Раньше за учебники платили деньги, теперь их выдают бесплатно. Уверена, что каждый с удовольствием заплатит за них, но при условии, что никто учебник потом не отберет.

Мы большие мастера экономить там, где для этого не требуется ума. Эскалатор в час пик выключить, освещение на темных улицах — такая «экономия» сплошь и рядом. Но нельзя экономить на знаниях!

Александра Ивановна ЖУКОВА,
Москва

От редакции:

Тема, затронутая в письме, на наш взгляд, важна. Копеечная экономия порой оборачивается серьезными потерями. Мы предлагаем читателям высказать на этот счет свои суждения.

✉

Мой сын Илья уже третий раз попадает в ЛТП. Впервые он был направлен к наркологу в 1979 году. Дважды по два месяца лечился в стационаре и, находясь там неотлучно, продолжал пить. Каждое мое посещение выпрашивал денег под предлогом отдачи долга, а сам тут же их пропивал. За нарушение был выписан, потом отправлен на два года в ЛТП возле Красноярск. Однажды пытался убежать оттуда, потом, провояжая друга домой, на радостях напился, попал, как у них зовется, в закрытую зону. И все время твердит, что их нигде не лечат. После ЛТП у него не меньшая тяга к спиртному, а большая. В феврале 1987 года я ездила в Красноярск, возила вещи, так как его отпустили домой. Как только получили одежду, напился с другом, пришли на вокзал чуть живые. С горем пополам довезла их домой, и, не успев ступить на порог, они снова побежали за бутылкой. Зачем тогда эти ЛТП? Ведь собирают в один загон алкоголиков, подонков. Они там друг от друга только мерзостям учатся, до скотского состояния опускаются. Если у кого пропадает хотя бы пачка чая, в наказание — самосуд. Мужчина мужчину насилует. Можно ли до такого позора опускаться в наше время и в нашей стране? Однако все это происходит в ЛТП, например, в том же Старцевском под Красноярском. По рассказу моего сына, работал он ежедневно и ничего плохого не замечал, пока не провинился. А когда провинился, в наказание его отстранили от работы. За это время и насмотрелся всего. Так спрашивается: что это за лечение? Что за странное наказание? После ЛТП мой сын кое-как год отработал на свиноплеке. Пошел в отпуск, решил «годовщину» обмыть. После обмывания попал в вытрезвитель, потом в местную «наркологию», в Абакане. Спустя два месяца за нарушение режима был отправлен в вытрезвитель из больницы. А в апреле отправлен на год в ЛТП Ачинска. Это бывшая зона бичей, и, как сейчас пишет сын, там сплошная анар-

хия. Зачем же кидать людей из одного населенного пункта в другой? Это не избавляет их от недуга, а усугубляет его еще больше. Я была уверена, что после первого ЛТП мой сын будет спасен. Медсестры сказали, что Илья не хочет лечиться, мол, его под конвоем надо лечить. Так он был в Старцеве под конвоем, а что толку? Надо лечить, как следует лечить хронический алкоголизм, а не заглушать болезнь. Прошу проявить интерес к работе этих лечебниц. Прошу помочь моему горю.

А. КРЫЛОВА, Абакан

✉

Прочитала вашу статью «На белой простыне экрана» в №№ 5 и 6 и подборку писем-откликов в № 10...

Я вышла замуж в 19 лет. Вышла по любви. Но я очень смутно представляла, как муж будет пользоваться мной как женщиной. После первой брачной ночи у меня был первый стресс, вперые ночью мне снились кошмары, и я проснулась от собственного крика. Мне было страшно, хотела убежать домой, к маме под крылышко, ничего не зная и не видя. И только любовь к мужу, стыд перед родственниками заставили меня остаться с ним. Надо сказать, что он тоже мало знал в вопросах секса, но получал «информацию» от друзей. У меня и этой возможности не было. Ночи я ждала, как казни, издевательства надо мной. Мой муж отнесся ко мне, мягко говоря, без понимания. Ругал меня, что я как бревно. Я пряталась от него, стеснялась, и, когда впервые увидела его «при свете», меня застряло от страха. Да, я даже не представляла, как выглядит раздетый мужчина. Я так все переживала, что начала часто болеть. Муж ухаживал за мной, как за ребенком, брал всю домашнюю работу на себя, и я прощала ему все «постельные сцены». Я четко понимала, что все это от незнания, от недовоспитания. Потому что все эти целомудренные бабушки и дедушки, оберегая нас от морального разложения, разложили нас в другом — мы даже не умеем жить крепкой семьей. Больше половины страдает от неправильного сексуального воспитания, от отсутствия этого воспитания. От этого распадаются семьи, дети остаются сиротами. И теперь, когда мы можем устранить недостатки, «они» будут ставить нам запреты: «Мы были другие...». «В наше время...» Но позвольте, а не вы ли сделали нас такими, какие мы есть, ведь мы — плоды вашего поколения и времени, мы — ваши дети, и воспитание давали нам вы. У меня двое детей, и я отвечаю за их жизнь, за их воспитание. И сделаю все, чтобы они не были «первооткрывателями», слишком тяжело это дается. Пусть будет больше литературы, передач, фильмов. Умных, поучительных.

Молодые люди и семьи, поддерживайте хорошее начинание! Наши дети должны быть грамотными в вопросах сексуальных отношений. Это поможет им в их семейной жизни.

Л. Б., 22 года, Джембул

✉

Прочла статью «На белой простыне экрана» и после — читательские отклики в 10-м номере «Смены». Все перенесла спокойно, но письмо Виктора из Кирова взволновало меня. По-моему, эта ситуация — несложившиеся половые отношения с женой — есть результат нашей «огромной работы по моральному воспитанию молодежи», то есть запретов.

Хочу выразить свои мысли и поделиться наблюдениями из личной жизни, хотя мне всего 23. Как бы мы ни старались улучшить половое воспитание, оно не улучшится, пока наши родители не изменят своих взглядов на этот вопрос. Именно родители, потому что ни школа, ни кино, ни журналы не дадут подростку того, что могут дать ему родители.

Меня воспитала одна мать, так как отец ушел, когда я была еще в 3-м классе. Но не в этом дело. Хочу выразить огромное жизненное спасибо моей маме! Она воспитала меня так, как, мне кажется, должна воспитывать каждая мать свою дочь. У нас с ней не было никаких запретов и секретов друг от друга.

Будучи еще молодой женщиной, но одинокой, она, конечно же, встречалась с мужчинами. Но я была совсем еще маленькой и не понимала ее. Мама, терпеливо дождавшись моей зрелости, начала вести со мной вполне женские разговоры. Сначала это меня смущало, но потом все встало на свои места.

Многие матери считают нужным не говорить с дочерью о женских вопросах, так как думают, что их дочери пойдут по рукам. Нет, нет и нет! Поймите же вы, женщины-матери, что личное ваше участие в этом вопросе перекроет все предрассудки дочерей. Моя мама никогда не боялась за меня, за то, что я наделаю ошибок. Да и как я могла предать ее веру, у меня и мыслей таких не возникало. Со мной рядом были мои подруги, которые не имели таких отношений с матерями, а их матери только и делали, что отслеживали взаимоотношения дочерей с парнями. И ругались. И запрещали... И какой же результат? Одна родила сразу после школы, другая сделала аборт.

Странная психология у наших родителей: они думают, чем меньше будешь знать, тем меньше об этом будешь думать. Да нет же, этому не бывает никогда! Человек не так устроен. Только когда он будет сыт, тогда отвернется от еды!

Я просто призываю матерей правильно воспитывать своих дочерей, а это значит не молчать и ждать беды, а говорить и говорить открыто. Ведь все наши дочери — будущие жены и матери, а мы так хотим им счастья!

С. СЕМЕНОВА,
замужем, Москва

✉

«Смена», ответьте на вопрос: зачем советскому человеку сексуальные проблемы? Или вы хотите, чтобы мы ничем не отличались от Запада?! Неужели вы думаете, что ваше «просветительство» действительно поможет в семейной жизни? Неужели вы думаете, что ваши «уроки» научат молодежь чему-нибудь, кроме извращений? Сам предмет разговора вреден и аморален. Вообще на эту тему могут говорить только морально неустойчивые люди, которым в соответствующей графе характеристики надо писать — АМОРАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК. и увольнять с работы, и не выпустить за границу, чтобы там о нас плохо не думали. Нам нужна светлая, возвышенная любовь, основанная на дружбе и общих рабочих интересах, безо всяких там постельных вывертов и «тайн». Задумались ли вы о том, сколько крепких

семей вы можете разрушить своими статьями?! Они прочтут и начнут думать о постыдном, об эротике и об удовольствиях в постели, вместо того, чтобы растить детей и думать о скором построении светлого будущего, думать об ускорении и перестройке. Нам в НАШЕЙ перестройке ВАШИ сексуальные уроки и знания не нужны. Об этом вам скажут все читатели, если вы их спросите, и молодые, и уже пожилые. А спросить их вы, конечно, побойтесь!..

И. КОТОВ, можно сказать, еще молодой,
Москва.

✉

Хочу ответить на письмо Валерия Д. из Ленинграда, опубликованное в № 9. Я не заканчивал школу с медалью, вузовского диплома не имею и диссертаций тоже не писал. Окончил 11 классов (в том числе три класса вечерней школы). Работая на заводе с восемнадцати лет. Служил в армии. Вы же, Валерий, как я понял, в армии не служили. Вам же некогда было, вы же учились на благо Родины. Я дорожу своим свободным временем и мне не безразлична зарплата, так как я имею семью. И своей работой я тоже хочу внести посильный вклад в укрепление могущества своей Родины! Внимание нужно уделять всем — пусть не в равной мере, но всем! И я не уверен, что будущее за вами. Вы мечтаете занять руководящий пост и решать судьбу Родины? Нет, судьбу Родины должен решать народ и его героические дела! Таких, как вы, нельзя допускать к руководящей работе, иначе может случиться то, что уже было раньше.

Вы даже фамилию свою побоялись написать.

А. АНТОНОВ, Новосибирск

✉

Министерство здравоохранения СССР в связи с публикацией в журнале «Смена» № 8 письма Воробьевой Р. Н. из Кисловодска о приобретении коляски для ее дочери 5 лет, страдающей нарушением опорно-двигательного аппарата, сообщает следующее.

Вопросами обеспечения инвалидов средствами передвижения и специальной коррекции занимаются Министерство социального обеспечения республики и органы социального обеспечения на местах.

Министерство здравоохранения СССР обратилось в Министерство социального обеспечения РСФСР с просьбой о выделении коляски дочери тов. Воробьевой Р. Н.

Коляски для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата выпускаются Львовским экспериментальным производственным объединением средств передвижения и протезирования.

А. А. БАРАНОВ,
заместитель министра
здравоохранения СССР

✉

Продукты питания — основа жизни. Почему не выносятся на всенародное обсуждение статьи затрат на производство мяса, хлеба? Очень интересно знать, из чего, собственно, они складываются. Почему в обсуждении цен на продукты питания почти не участвуют непосредственные их производители — рабочие колхозов и совхозов? Отчего молчат? Уверена, что люди могли бы высказать множество ценных предложений по снижению себестоимости.

Елена ТАСКАЕВА,
г. Белово Кемеровской области

ВОДИЛАСЬ РЫБКА ЗОЮТАЯ...



Сергей КАЛЕНИКИН,
 фото Евгения СТЕЦКО.
 Специальные
 корреспонденты
 «Смены»

— Имейте в виду, если об этом напишете, то лично у вас и у «Смены» будут большие неприятности, — в очередной раз стращал меня чиновник одного учреждения. — Да вы отдаете себе отчет, что будет, когда об этом узнают там?.. — Он кивнул головой в сторону окна и тут же, но с совсем иной интонацией, добавил: — Там, на Западе...

Если читатель вдруг подумал, что автору этих строк попали в руки какие-то сверхсекретные материалы, то спешу предупредить: речь идет о рыбе. Правда, не о той, что водится у знойных берегов Южной Америки или в прохладных водах Антарктиды, — говорим о пресноводной, которую днем с огнем не сыщешь. Нет, мы, конечно, понимаем: что-то идет на случай приемов высоких зарубежных гостей и прочие нужды, что-то экспортируется в обмен на технологии, станки, машины, оборудование... Но все же, имея в Волго-Каспийском бассейне 90 процентов мировых запасов осетровых, мы тоже вправе рассчитывать на какую-то ощутимую часть этой рыбы, и белорыбицы, и сазана, и судака, и сельди каспийской, и прочие деликатесы.

Увы, столкнувшись с рыбной проблемой, приходим к весьма неутешительному прогнозу: в ближайшем будущем мы можем безвозвратно потерять и то, что еще имеем.

ДВА МИЛЛИАРДА НА ВЕТЕР?

Не позволяли жесткие командировочные сроки, а так хотелось задержаться, самим увидеть одну из рыбьих драм в низовьях Волги, в окрестностях поселка Труд-Фронт.

— Большая вода стоит обычно дней 10—15, — рассказал начальник тони «Глубокая» Николай Крайнюков. — Приходит вобла икру метать. Эта рыбешка ищет места, где теплее, где нет волнения, и уходит в разливы, затопленные участки поймы и дельты, а тут как раз шлюзы закрываются. Жуткая картина: малек висит на кустах, вся трава им усеяна... Чудовищное испытание на выживаемость, и не каждой рыбешке оно по силам.

В прошлом году в районе острова Труд-Фронт школьники и рабочие, спешно снятые с производства, собирали воблу лопатами и закапывали ее в землю. Нет, не только рыбу хоронили, но и прятали улики против тех, кто в свое время вещал и вещает ныне, будто рыбе никто и ничто не угрожает. «Мне по этой земле иной раз ходить боязно, куда ни ступи — рыбы могилы, — скажет потом с горечью один из местных жителей. — И сколько этой рыбы загублено, вряд ли кто знает... А кто ответит? Нет виновных! Нет такого человека, таких людей, такого ведомства. А преступный факт налицо...»

Что и говорить, в копеечку нам обходится каскад гидроэлектростанций, водохранилищ, каналов, оросительных систем, сооруженных на Волге-матушке. Ежегодно из нее изымается 50 кубикометров воды... Полмиллиарда рублей — таков приблизительный ежегодный убыток несет страна только из-за нарушений требований рыбного хозяйства к водному режиму на Волге. А Каспий?..

Вспомним 1975—1977 годы, самый тяжкий период в истории Каспия, когда



● В таких полиэтиленовых баллонах Александровский осетровый рыболовный завод ежегодно отправляет в хозяйства области десятки миллионов личинок белорыбицы.

● Рыбе делают инъекцию для ускорения созревания икры.
 ● Бывало, попадалась и крупнее рыбка.
 ● Что в сетях на этот раз?..

● Доктор биологических наук Сергей Никоноров — руководитель межотраслевого КТМК, который занимается проблемами воспроизводства рыбы.

по сравнению с 30-ми годами его уровень упал на три метра. Ученые успевали только подсчитывать потери: уловы воблы сократились в четыре раза, сазана, леща — в три-четыре, судака — в пятнадцать... И пока наука терзалась вопросом «что делать?», пока рождались и умирали один за другим проекты, Каспий сам стал подниматься и на сегодняшний день «подрост» на один метр 23 сантиметра. Постепенно улучшается кормовая база, больше стало рыбы, но уловы не достигли даже уровня 1977 года... Да и достигнут ли?

«Два миллиарда на ветер» — так названо коллективное письмо ученых, среди которых академики, члены-корреспонденты, опубликованное в мартовском номере газеты «Правда». Это, в сущности, протест против намерений Минводхоза СССР добиться всеми правдами и неправдами сооружения канала Волга-Чограй. Проект этот, утверждают ученые, не только экономически необоснован, но и экологически небезопасен. Но речь, увы, не только о нем: мелиораторы развернули не менее грандиозную по замыслам и масштабам

стройку — канал Волго-Дон-2...
 — Эти каналы будут брать из Волги более четырех кубикометров воды в год, — скажет мне при встрече директор Каспийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства (КаспНИРХ) Владимир Иванов. — Это — катастрофа: Каспий резко обмелеет, погибнет молодь, исчезнут пастбища, море не прокормит рыбу. А тут еще, представляете, вода для канала Волга-Чограй будет браться как раз на том участке реки, где проходит скат молоди осетровых, белорыбицы, сельди!..

После зарегулирования стока Волги у осетровых осталось всего 430 гектаров нерестилищ из 3600! Чтобы отнереститься, разродиться, рыба вынуждена стоять в очереди. Ей нужна отложить икру! Да и эти последние 430 гектаров оказываются под прицелом водозабора. Обещанные же рыбоохранные мероприятия, о которых заявил («Правда» от 09.05.88 г.) заместитель министра мелиорации и водного хозяйства СССР Б. Штепа, по мнению многих специалистов, включая министра рыбного хозяйства СССР Н. Котляра, ничего или почти ничего не гарантируют.

— Водники говорят: не беспокойтесь, мы построим вам рыбноводные заводы,— замечает Владимир Иванов.— А какой, простите, от них толк? Куда рыбу-то выпускать? В данной ситуации компенсации невозможны. Выход, полагаю, один — прекратить сооружение каналов. Но, несмотря на компетентный протест ученых, несмотря на то, что нет утвержденного проекта на строительство канала Волга-Чограй, его сооружение идет полным ходом! Вопрос, выходит, заведомо предрешен?..

Выходит. Ученый прав — такова логика действительности, таковы факты... Но если можно понять интересы Совета Министров Калмыцкой АССР, Ставропольского крайисполкома, по мнению которых только канал может разрешить все их сельскохозяйственные проблемы, то воистину непостижима позиция Астраханского облисполкома, также давшего «добро» каналу. Чи же интересы представляет и защищает облисполком? Ведь не где-нибудь, не на ничейной, а на астраханской земле готовится очередной сценарий рыбьей драмы.

Как понимаю, у руководства Астраханского облисполкома вполне достаточно оснований и фактов, чтобы трезво и самокритично оценить свою позицию в решении экологических проблем области. Практически осталось невыполненным постановление Совета Министров СССР от 16.11.77 г. «О дополнительных мерах по охране Каспийского моря от загрязнения», которым предусмотрено строительство очистных сооружений предприятий, расположенных в Астраханской области.

Прокуратура Каспийского водного бассейна, направляя письмо в облисполком, зампреду Г. А. Циху, отмечает: «...Велики перерасходы воды в сельском хозяйстве области, что вредно влияет как на природные водоемы, истощая их, так и на дорогостоящие орошаемые земельные угодья в виде засоления, заболачивания и практически вывода последних из сельскохозяйственного оборота». Эта же бумага повествует и о проблеме обеспечения водозаборных устройств надежной рыбозащитой. Из-за их примитивного уровня ежегодно гибнет более 14,5 миллиардов экземпляров молоди рыб, «что в промысловом возврате составляет около 130 тыс. центнеров товарной рыбы стоимостью 480 млн. рублей».

Воистину золотая рыбка. Да тут в пору в колокола бить, мобилизуя все и вся на спасение Волги, оставшейся в ней живности. Ан нет — молчат, не слышат, подписывают, не возражают... Ждут, пока гром не грянет?.. Так он уже грянул. И скажем об этом прямо: 90 процентов мировых запасов осетровых под угрозой, рыба серьезно больна. В эти самые дни ученые спешно решают вопрос: не опасна ли рыба для здоровья человека, можно ли ее есть?

ДИАГНОЗ: МИОПАТИЯ

Миопатия — расслоение, дистрофия мышц — недуг не из пустяковых. У рыбы нарушена хрящевая ткань, обнаружены сильные морфологические изменения, цирроз печени — словом, поражены все жизненно важные органы; ухудшилось качество черной икры — лопаются ее оболочки... На рас-

слоение мышечной ткани ученые обратили внимание еще в 1984 году. А дальше по нарастающей: в 1985-м миопатия отмечалась у 20 процентов осетровых, в 1987-м — 90, а в нынешнем — стопроцентное заболевание! На ученом совете Всесоюзного научно-исследовательского института морского хозяйства и океанографии (ВНИРО) Минрыбхоза СССР приводились и другие поражающие воображение цифры, факты, и, как показалось автору этих строк, проблема с осетровыми обсуждалась достаточно откровенно и конструктивно. Но к этому вернемся позже, а пока выясним: почему упущено время и трагедия не предотвращена еще в 1984—1985 годах?

— Меры еще раньше надо было предпринимать,— отвечает заместитель директора ВНИРО по науке Вячеслав Исаев.— Но вся беда в том, что вновь сказала пресловутая ведомственность. Не один год «доказывалось», что болезнь осетровых вызвана не загрязнением Волги, а нарушениями технологии добычи и обработки. После всевозможных проверок, дискуссий стало ясно: технология ни при чем, волжская вода чудовищно загрязнена. Тут сказались не только сбросы сточных вод в Волгу, но и промышленные выбросы в атмосферу. Об этой проблеме мы проинформировали Совет Министров СССР и другие организации, ведомства. Казалось бы, есть неопровержимые факты, но тем не менее и Минрыбхоз, и Госкомгидромет стоят на своем, отрицая версию заболевания осетровых из-за мутагенности, загрязненности Волги.

Пожалуй, наибольший интерес рыба нынче может вызвать у химиков: в ней и мышьяк, свинец, цинк, ртуть, и фенолы, и хлорсодержащие пестициды, и гербициды, и нефтепродукты, и соединения азота... Какая тут рыба выдержит? Читатель, надеюсь, понимает, что дело не только в ассортименте химических элементов, но и в их количествах в рыбьем организме.

Да, умела б рыбка молвить, она, конечно же, нашла бы, что сказать на эти вот строки председателя Госкомгидромета Ю. А. Израэля: «Несмотря на бурный рост промышленности, в большинстве городов нашей страны стабилизировано или снижено загрязнение воздушного бассейна. Хотя и медленно, общий выброс в атмосферу вредных веществ от года к году уменьшается. Существенно снизилось число случаев резких «пиковых» загрязнений. Улучшилось эколого-санитарное состояние многих водных природных объектов, в частности реки Волги и Каспийского моря» («Правда», № 250 от 7.IX.87 г.).

Производственная деятельность в Астраханской области привела к тому, что уже сейчас содержание ртути в водоемах нередко превышает предельно допустимые концентрации (ПДК) в 13—14 раз, свинца и меди — в 4—6 раз,— рассказывал мне заместитель директора Астраханской зональной гидрометобсерватории, кандидат географических наук Роман Новоселский.— Астраханский регион расположен в планетарной «яме», на 28 метров ниже уровня океана. Поэтому все тяжелые элементы долгое время будут задерживаться здесь, нанося громадный вред природе и людям. Тут даже циркуляционные особенности атмосферы своеобразны, но, к сожалению, это все-таки не изучается...

Что и говорить, трудно согласиться с рассуждениями Ю. А. Израэля. Кому как не ему знать, что, несмотря на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 ноября 1980 года «О комплексном использовании земельных, водных и рыбных ресурсов Волго-Ахтубинской поймы и дельты реки Волги в Астраханской области», выброс загрязняющих веществ в атмосферу возрос к 1988 году по сравнению с 1981 годом более чем в четыре раза. По данным астраханских институтов, ежегодно в водоемы дельты поступает около 1136 миллионов кубических метров

сточных вод, в которых содержание токсичных веществ превышает ПДК по нефтепродуктам в 3,5 раза, органическим веществам в 3 раза, меди и цинка в 2—3 раза...

Растет объем сельскохозяйственных сточных вод. Рисовые системы агропрома, расположенные в санитарной зоне рыбохозяйственных водоемов, построены без необходимых водоохраных сооружений. Для обработки сельскохозяйственных угодий применяются пестициды более 50 наименований — почти половина из них не имеет токсикологической оценки и ПДК, а 18 процентов — высокотоксичные препараты, использование которых запрещено. Разве не из-за усердия агропромовцев в 1986—1987 годах в водотоках дельты Волги отменялось превышение ПДК гербицидов «Ялан» до 14, «Сатурн» — до 70 раз! Исследования ученых КаспНИРХа показали, что содержание пестицидов в рыбе нередко превышает норму в 2—5 раз, что вызывает массовую гибель рыбы...

Словом, мы имели все основания беспокоить заместителя председателя Астраханского облисполкома Г. А. Циха, заинтересоваться судьбой волжской рыбы, предпринимаемыми в области мерами... Однако зампред был озадачен не столько нашими вопросами, сколько тем, что о корреспонденциях журнала «Смена» знают лишь в обкоме ВЛКСМ, но не в обкоме КПСС!

Но все же после выяснения была беседа — точнее сказать, был бесстрастный монолог областного руководителя о том, что «хозяйственная деятельность человека не лучшим образом влияет на воспроизводство рыбы», что «нерестовые площади попали в зону ГЭС»...

— Химизация сельского хозяйства, пожалуй, самый сложный вопрос.— Признал все же зампред.— Но у нас нет проектного решения очистки воды. Что делаем? Сократили рисовые площади на 10 тысяч гектаров, есть специальная комплексная программа, которая позволит улучшить качество волжской воды...

Нет, так и не удалось мне даже взглянуть на эту программу — Г. А. Цих категорически отказал: дескать, это наш сугубо внутренний документ. Повис и мой вопрос о гибели, болезни осетровых — миопатии.

— Я об этой болезни ничего не знаю,— заявил зампред.— Откуда у вас эти данные?..

— С ними познакомился еще в Москве, они подтверждаются и астраханскими специалистами, учеными...

— Ничего не знаю. Обращайтесь к тем, кто говорил вам об этом. И, учитывая, я с вами беседовал как председатель общества охраны природы, как представитель общественной организации,— подытожил товарищ Цих.— Как зампреда меня с вами никто не уполномочивал разговаривать. Ваше время истекло...

И на том спасибо. Но назовем и третье должностное товарища Циха — председатель областного агропрома. Человек, руководящий ведомством, которое числится среди основных загрязнителей волжской воды, возглавляет и общество охраны природы! Нонсенс. Не оттого ли у нас случаются неувязки, что порой один человек может одновременно и формально пребывать в нескольких должностях, по существу сам себя контролирует, сам себе голова? И попробуй подступиться к нему.

В общем-то, от зампреда мы и не ждали особых откровений, это, как говорят астраханцы, не в стиле «отцов» города.

РТУТЬ, СВИНЕЦ, МЫШЬЯК... ЧТО ЕЩЕ?

Возвращаясь к ученому совету ВНИРО, отмечу, что на нем тут же были составлены рабочие группы, которые по специальным разделам займутся

волжской проблемой. Предпринимается попытка научно установить, что конкретно вызвало болезнь у осетровых, и, видимо, не только у них — и белорыбца, говорят ученые, поражена, и каспийский тюлень под подозрением... Остается лишь гадать, с какими неожиданными могут столкнуться ученые Минрыбхоза, АН СССР и Минздрава СССР. Однако не позднее 1 ноября 1990 года они должны представить правительству отчет о проделанной работе, свои заключения и рекомендации.

Но, спрашивается, почему все исследование по выяснению причин миопатии должен оплачивать Минрыбхоз? Спасение утопающих — дело рук самих утопающих? Рыбники — пострадавшая сторона; было бы правильнее и логичнее, если б хорошенько трянули мощной и сельское хозяйство, и все 220 крупных промышленных предприятий, сбрасывающих в Волгу губительные стоки. А сумма же, выделяемая Минрыбхозом, смехотворна — она едва покрывает медико-биологические исследования... Кстати, что касается этой части программы, то уже в нынешнем году ученые ответят на точащий всех вопрос: можно ли употреблять волжскую рыбу, не опасна ли она для здоровья?..

Да, проблема осетровых — не только рыба проблема, она касается и людей.

Когда рыба уже не рыба, а склад химических элементов, — она опасна. В Японии или США, к примеру, из нее выводят все, что угрожает здоровью людей — мышьяк, тяжелые металлы... Получаемый продукт безвреден. Японцы из рыбы чуть ли не в промышленных масштабах получают... ртуть.

А что у нас? На рыбокомбинатах есть службы по оценке качества рыбы, но контроль этот оставляет желать лучшего: нет приборов, способных уловить фенолы, не распознаются многие пестициды, а некоторые гербициды и вовсе не попали в список вредных... И тяжелые металлы мы не выводим, не научились пока. Поступаем проще. Рыба, в которой обнаруживается, скажем, ртуть, уничтожается или идет на корм скоту; и белуга, и севрюга, и осетр русский с белорыбницей... Ну, ладно, скотина грамоте не обучена. А на то за кого принимают, предлагая рыбные консервы, по этикеткам которых можно лишь узнать что почем и сколько граммов?.. Почему на консервах не указываются химические элементы и вещества, содержащиеся в рыбе, их количество? Это принято во многих цивилизованных странах. Ведь указываем мы химический состав минеральной воды. Он необходим и на консервах, да хорошо бы подобную информацию приложить и к живой, и замороженной, и прочей рыбе. Короче говоря, и здесь нужна гласность.

Странно, однако, получается: едим, а не знаем что, не ведаем о допустимых нормах ртути, мышьяка, цинка, свинца, меди, фенолов, азота... А они-то существуют! Почему же Минздрав СССР со своим академическим штабом помалкивает в период гласности?

Здоровье людей. Именно об этом шла речь на ученом совете ВНИРО. Созданные на нем межведомственные научные группы подходят к проблеме заинтересованно и комплексно. Среди задач — исследование выбросов Аксарайского газоперерабатывающего завода. Не знаю, к каким заключениям придут специалисты, но, имея под рукой факты, поговорив с учеными, приходишь к выводу, что тревога, вызванная сооружением ГПЗ, не лишена оснований.

С кем бы мы ни говорили, нет-нет да прорывался в беседах Аксарайский газоперерабатывающий завод. Жители поселка Труд-Фронт сетовали: вот в прошлом году расцвели и вскоре погибли огурцы — цветы покрылись желтым налетом... А рыбаки непременно вспоминали, что лед на Волге был в какой-то нечисти — то ли масляные пятна, то ли еще что-то.

— В прошлом году обследовалась сажа, выбрасываемая с ГПЗ,— расска-

природы? Будут ли у них права или они превратятся в безликие статистические органы, подготавливая справки под сукно? Нынче комитет — загадка.

— Да, очень медленно разворачивается Государственный комитет СССР по охране природы, — продолжает разговор профессор Владислав Петров. — На мой взгляд, на каком-то участке срабатывает пресловутый механизм торможения. Кому-то не очень выгодно торопиться, кто-то уж больно старается принизить роль комитета, превратить его во второстепенный малосильный орган, а нам нужен мощный, солидный, как Госплан или Госстрой. Они должны быть на равных.

Во многих странах уже давно поняли: **выгоднее, экономичнее предотвратить экологическую катастрофу, чем потом бороться с ее последствиями.**

Не будем прибедняться: летаем в космос, строим ракеты, подводные лодки, хватит ума и средств на сооружение очистных систем, разработку приемлемых для природы агротехнических приемов, поиск биологически устойчивых сортов к вредителям... Думающие люди думают — и делают дело. Разве не показателен пример колхоза «Россия» Прилуцкого района Черниговской области, где высокие урожаи — результат бережного и грамотного отношения к природе? Так что противопоставление: либо рис, либо чистая Волга — демагогические гримасы, не более.

Проблема видится в ином. Кто принимает решение, что и как строить? Именно на стадии проектирования и закладываются экологические просчеты. Указом Верховного Совета СССР от 1985 года предусмотрена экологическая экспертиза новой техники, технологии, материалов, строительных проектов... До сих пор было так: если что-то возводит, внедряет, скажем, сельское хозяйство, то оно само или в союзе с заинтересованной стороной прово-

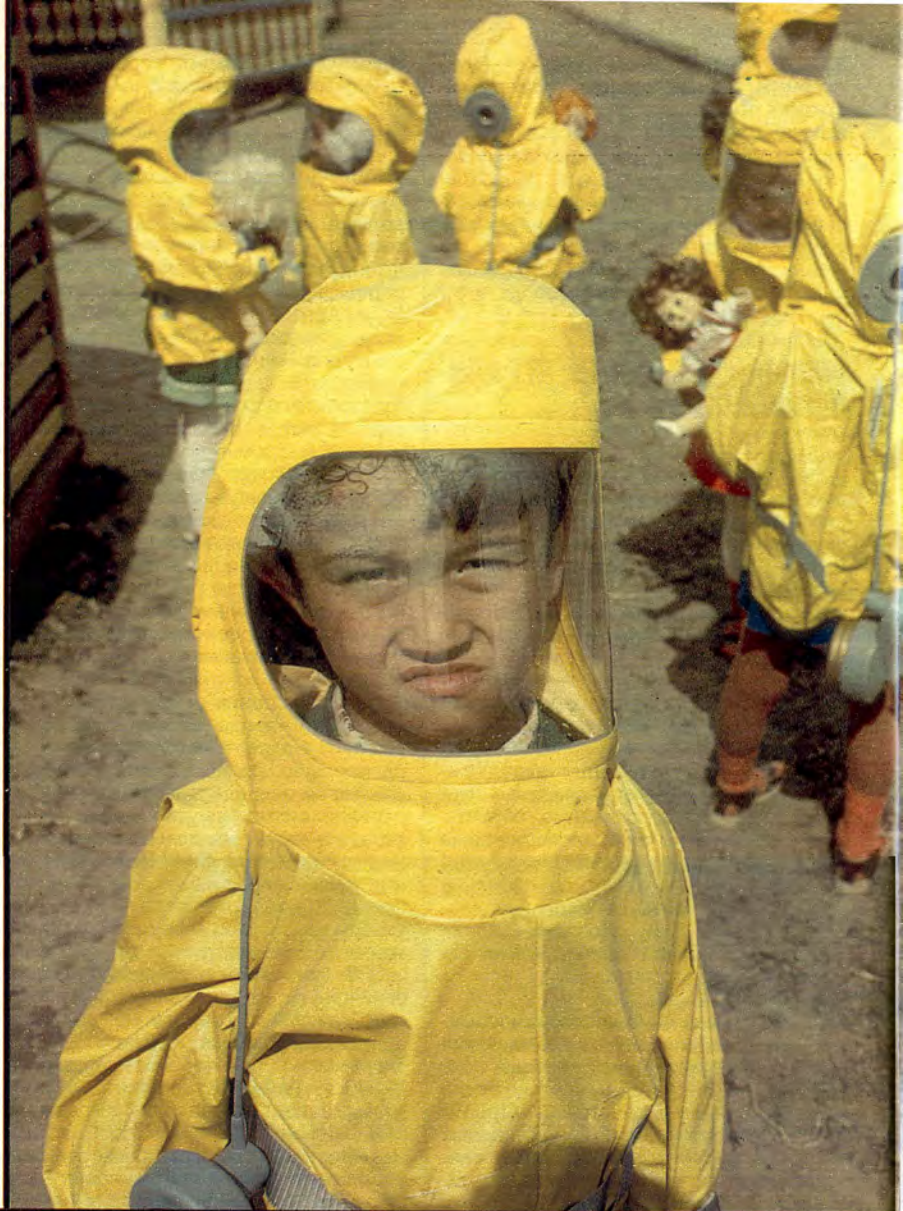
дит экспертизу, само себя оценивает, инспектирует. Что хочу, то и ворочу — за пять лет предприятия Минудобрений не построили ни одного очистного сооружения! В 1972 году ЦК КПСС и правительство обязали Минэнерго СССР создать установки для улавливания двуокиси серы от дымовых газов. Прошло пятнадцать лет, а постановление так и не выполнено! Главный нарушитель — Госплан: с его ведома размещаются все крупные хозяйственные объекты. А Госстрой СССР? Почему он не проводит периодическую переаттестацию нормативно-технической документации с точки зрения ее соответствия нормам экологической безопасности?

Экологическая экспертиза только тогда чего-то будет стоить, когда за нее станет отвечать один-единственный орган, наделенный самостоятельностью и соответствующими правами. Таким органом и должен стать Госкомитет по охране природы. Свободным от ведомственности, необъективности.

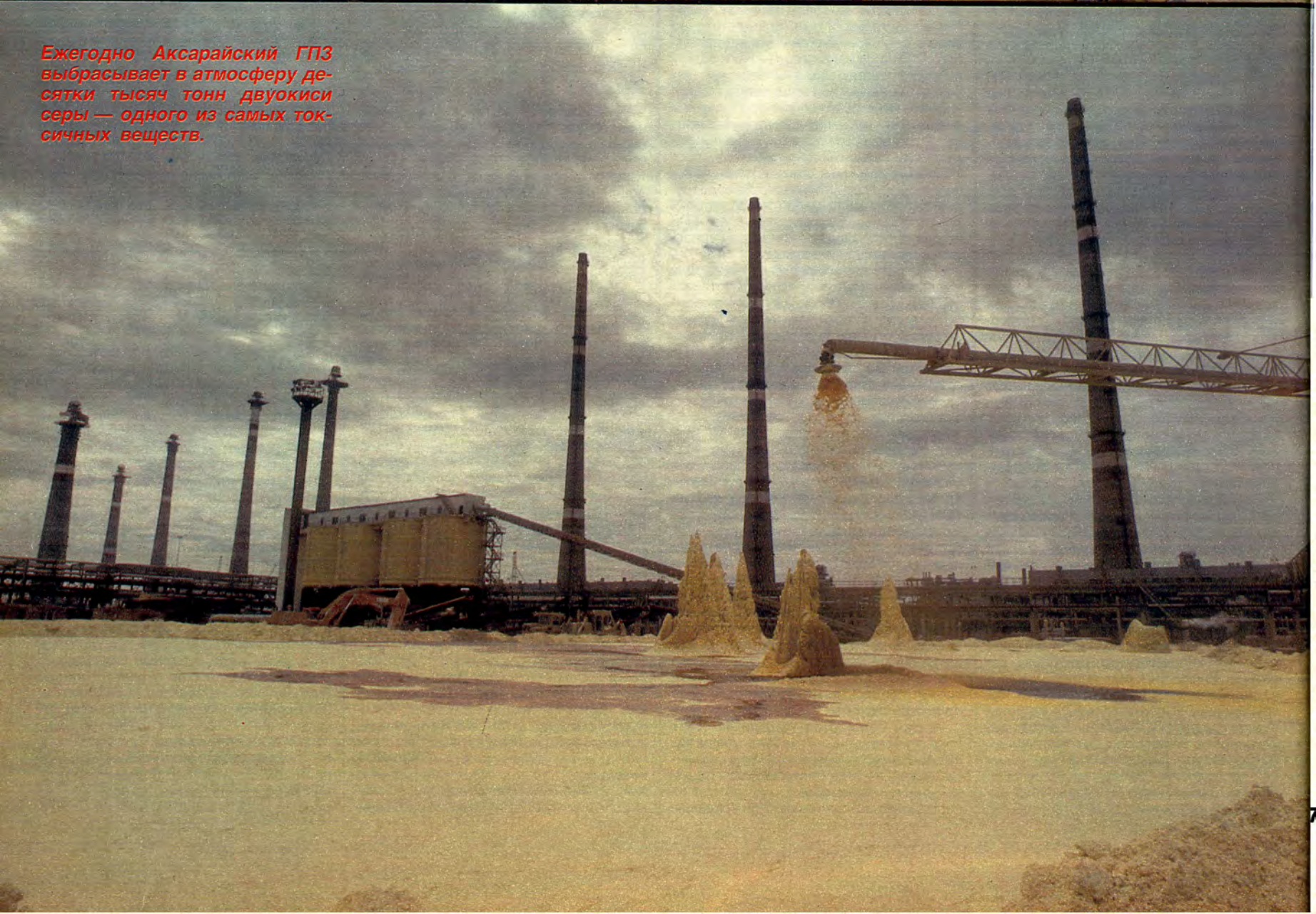
Видимо, мы можем сколько угодно поносить промышленность и сельское хозяйство, мелиораторов, но пока существуют экономическая незаинтересованность в экологии, юридически-уголовная безответственность за экологические нарушения, нам не вырваться из порочного круга.

Браконьера, поймавшего осетра, можно отдать под суд. Действия же иных руководителей, из-за которых сплошь и рядом гибнет рыба, гибнут леса, животные, страдает наше здоровье, остаются безнаказанными. Нет законов? В том-то и дело, что есть, и сколько угодно. Но они не работают. Так, до сих пор бездействует статья 29 Закона СССР об охране атмосферного воздуха. По таким распространенным

Воспитанники детского сада № 17 «Чебурашка» в поселке Сеитовка, в шести километрах от Аксарайского ГПЗ.



Ежегодно Аксарайский ГПЗ выбрасывает в атмосферу десятки тысяч тонн двуокиси серы — одного из самых токсичных веществ.



Нам не удалось установить, сколько тонн нефтепродуктов сбрасывают суда в Волгу, Ахтубу и другие реки, но то, что это происходит, вы видите сами.



Готовится к работе передвижная лаборатория по контролю загазованности воздуха.

нарушениям, как загрязнение водоемов и воздуха (статья 223 УК РСФСР), уголовные дела исчисляются единицами! **Законов сколько угодно, а вот законности нет!** Отсюда и идет экологическая преступность, что привела к драме в Волго-Каспийском бассейне. В его защиту принято немало постановлений — о некоторых шла речь в этом материале. Однако, выходит, для промышленности и сельского хозяйства они не указ. Но почему правительство не контролирует собственные решения, не спрашивает за них?! Если постановления не обязательны к исполнению, то какой смысл их принимать? И что, Астраханский обком КПСС, облисполком, агропром и все те министерства и предприятия, которые расположены за пределами Астраханской области, но причастны к волжской трагедии, так и останутся в тени, опять замнем дело?

— Мы зашли слишком далеко, — говорит академик Николай Дубинин. — Из-за мутагенности окружающей среды 30 процентов зародышей погибает во время беременности, 10 процентов детей рождается с генетическими дефектами — безногие, слепые, дебилы, с психическими, сердечно-сосудистыми заболеваниями и другими недугами. Десять процентов браков — бесплодные... Словом, 50 процентов оплодотворенных яйцеклеток исключаются из данного поколения. Еще пятьдесят — и человечество исчезнет... Экологическая преступность — это ядерная бомба с замедленным действием!

Думается, далеко не все еще представляют, с какими проблемами мы столкнемся в ближайшем будущем, сколько потребуются усилий, чтобы их разрешить, чтобы не остаться у разбитого корыта, как в известной сказке Пушкина о золотой рыбке. Ведь мы тоже об этом.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы ждем ответа от руководителей названных в статье министерств и ведомств; виновников волжской трагедии: какие меры будут приняты для спасения Волго-Каспийского региона? Ситуация требует незамедлительных действий.

Но главная наша тревога — о детях. Поэтому мы обращаемся персонально к министру газовой промышленности СССР В. С. Черномырдину и председателю Астраханского облисполкома А. П. Гужвину. Обращаемся не только как к официальным лицам — как к гражданам нашей страны, как к отцам своих детей, наконец. Ваше предприятие, Виктор Степанович, — один из главных источников опасности для здоровья и жизни юного поколения — нашего будущего. Все ли, от Вас зависящее, сделали Вы для охраны детства? Многие миллионы рублей вкладываются в строительство газового комплекса — неужели трудно выкроить несравненно меньшие суммы хотя бы на детские противогАЗы?

А Вас, Анатолий Петрович, разве не тревожит атмосфера, — в буквальном смысле угрожающая детям ваших земляков? Если да, то почему ясли, детсады, школы не имеют надежных средств защиты на критический случай, до сих пор детские учреждения не выведены из санитарно-защитной зоны, не выполнены рекомендации Минздрава СССР по расширению этой зоны до 15 километров? И почему, наконец, никто не информирует людей о степени загрязненности воздуха?

P. S. Когда материал уже был подготовлен к печати, мы узнали новость: органы прокуратуры возбудили уголовное дело против администрации Аксарайского ГПЗ. Будет ли привлекаться к ответственности и руководство Мингазпрома?..

С членом-корреспондентом АМН СССР, заведующим кафедрой II Московского медицинского института Вячеславом ТАБОЛИНЫМ беседует наш корреспондент Екатерина МАРКОВА.

С медицинской точки зрения роды — стресс. По ощущениям женщины это боль, страх, борьба, жгучее желание сочувствия и помощи. Тот случай, когда воистину необходимы добрые руки и понимающие глаза врача. И так, я пережила этот стресс, но то, что было потом...

Меня вывезли на каталке в коридор родового отделения, представляющего из себя огромный зал, разделенный стеклянными перегородками на боксы. Там, в коридоре, где я пролежала 10 часов, так как не было мест в послеродовом отделении, я даже не возмущалась своей участью, онемев и потеряв дар речи от всего увиденного и услышанного. Меня не волновало то, что мне ни разу не предложили есть и пить, что я стала как бы привычной принад-

над женщиной, которая могла потерять при родах третьего ребенка.

Снова закричала женщина в боксе справа. Кричала так страшно, что теперь уже к ней присоединилась я. Я уже плохо помню, куда и кому я обещала жаловаться, если они не подойдут к ней, но, видимо, вид у меня был такой, что одна из акушеров двинулась к родовой. Рожала та женщина, которой еще было «рано». Оказалось, поздно. Она родила сама, без помощи акушера, ребенок обвился пуповиной и задохнулся.

Его пронесли мимо меня, даже не прикрыв простынкой.

Я видела это маленькое тело ребенка, убитого равнодушием акушеров. Потом еще долго стоял в ушах крик женщины, зывающей о помощи... врачей...



ДИТЯ С НИМБОМ

лежностью коридора, как стол или шкаф. Слева от меня в боксе кричала женщина.

— Заткнись! — услышала я спокойный голос акушерки. — Сожми колени и повернись к стенке. Отправим сейчас обратно — будешь рожать на улице...

— Не подходи к ней, — в ответ на умоляющие стоны из родовой справа посоветовала своей коллеге хорошенькая акушерка с густо накрашенными ресницами и малиновым румянцем. — Вопит как резаная. Ей еще рано. Минут тридцать еще, не меньше.

Рядом со мной в коридоре на каталке готовили женщину к кесареву сечению. Она очень волновалась, та женщина, уже немолодая, лихорадочно заламывала пальцы и тщетно зывала к сопереживанию.

— Боже мой... Ведь у меня уже давно схватки. А если не успеть? Поймите меня... у меня при родах двое детей погибли. Почему так долго?

— Будешь так волноваться — третьего потеряешь! — услышала я ответ и вдруг почувствовала, что все это не может быть правдой, что это похоже на какой-то страшный, жестокий сон. Я приподнялась на локтях, чтобы увидеть лицо акушерки. Нормальное, миловидное лицо молодой женщины.

— Готова операционная? — закричала, видимо, хирург из глубины коридора. — Время идет!

Но операционная не была готова. Так же, как выяснилось, в роддоме не оказалось донорской крови, необходимой по группе оперируемой. Все это выяснилось тут же, практически

— Не загасить в ребенке искру божью? Ведь именно акушерам вы адресовали это пожелание? — с такого вопроса я начала свою беседу с Вячеславом Александровичем Таболиным.

— Роды, конечно же, святой момент. Не знаю, в какой другой области медицины может так проявиться величайший дух альтруизма. У постели рожавшей женщины акушер должен максимально идти навстречу продолжению рода, тем, кого мы называем грядущим поколением. Каким этот рождающийся человек придет в жизнь — во многом будет зависеть от того, как были приняты роды. Еще Вольтер говорил, что роды — самый тяжелый период в жизни человека. Родиться, то есть перейти из одной сферы, системы, где постоянная температура, постоянное снабжение кислородом — все постоянно, — в сферу, где надо приспосабливаться к другой температуре, надо дышать. Для ребенка, как и для матери, роды — тяжелая стрессовая ситуация.

Поэтому, конечно же, вопрос о подготовке акушеров и сестер детских отделений особо важен. Акушеру важно всегда понимать, что он правильно выбрал свое назначение в жизни.

— Ведь это же невероятное бремя вины, если ты по невнимательности, равнодушию допустил родовую травму, а это значит — на всю жизнь лишил человека радости бытия, а, возможно, убил в нем генетически заложенное призвание, талант. А вдруг гений? Даже страшно подумать!

Вячеслав Александрович, неужели если по вине акушеров гасится, как вы говорите, искра божья, то это ненаказуемо?

— К сожалению, только в редких случаях, когда родственники погибшего или покалеченного ребенка начинают судебный процесс. А так...

Да что говорить, милосердие ушло из

нашей жизни. И только сейчас мы начинаем вновь говорить о нем. До тех пор, пока родильный дом будет закрытой системой, изменить что-либо практически невозможно. Надо думать о том, чтобы при родах мог присутствовать муж.

— А почему обязательно муж? А мама?

— А что! Очень интересная мысль. Присутствие матери при родах дочери, возможно, даст еще лучшие результаты. Надо, непременно надо открыть закрытую систему роддомов.

— Мне кажется, роддома сделают все, чтобы не допустить этого. Ведь тогда будет слишком много свидетелей, например, того, в каком безобразном виде бродят по коридорам послеродового отделения женщины. В халатах с бурными разводами от неотстиравшихся пятен чужой крови, в тапках, передающихся с одних ног на другие, после чего начинают всевозможные грибковые заболевания. Увидеть все это ужасно не дадут. Первым доводом против присутствия при родах мужа или матери будет проблема стерильности. И никому не докажешь, что хуже уже не будет.

— Против этого я уже, честно говоря, устал бороться. Одним полотенцем в родильном доме вытирают руки все. Роддомом не хватает денег на бумажные полотенца. А сотрудник роддома не задумывается о том, что, тщательно вымыв руки, но не сняв с пальца кольцо, он может быть носителем определенной инфекции. В ГДР, к примеру, в роддоме, куда я пришел, мне предложили принять душ и целиком переодеться в специальную одежду.

— Вячеслав Александрович, а галоши, которые вы носите, тоже для сохранения определенной стерильности?

— Конечно. Не пойду же я к новорожденным в грязной обуви. А так сни-

му галоши — и никакой уличной грязи. Кстати, мой учитель Сперанский никогда не здоровался за руку.

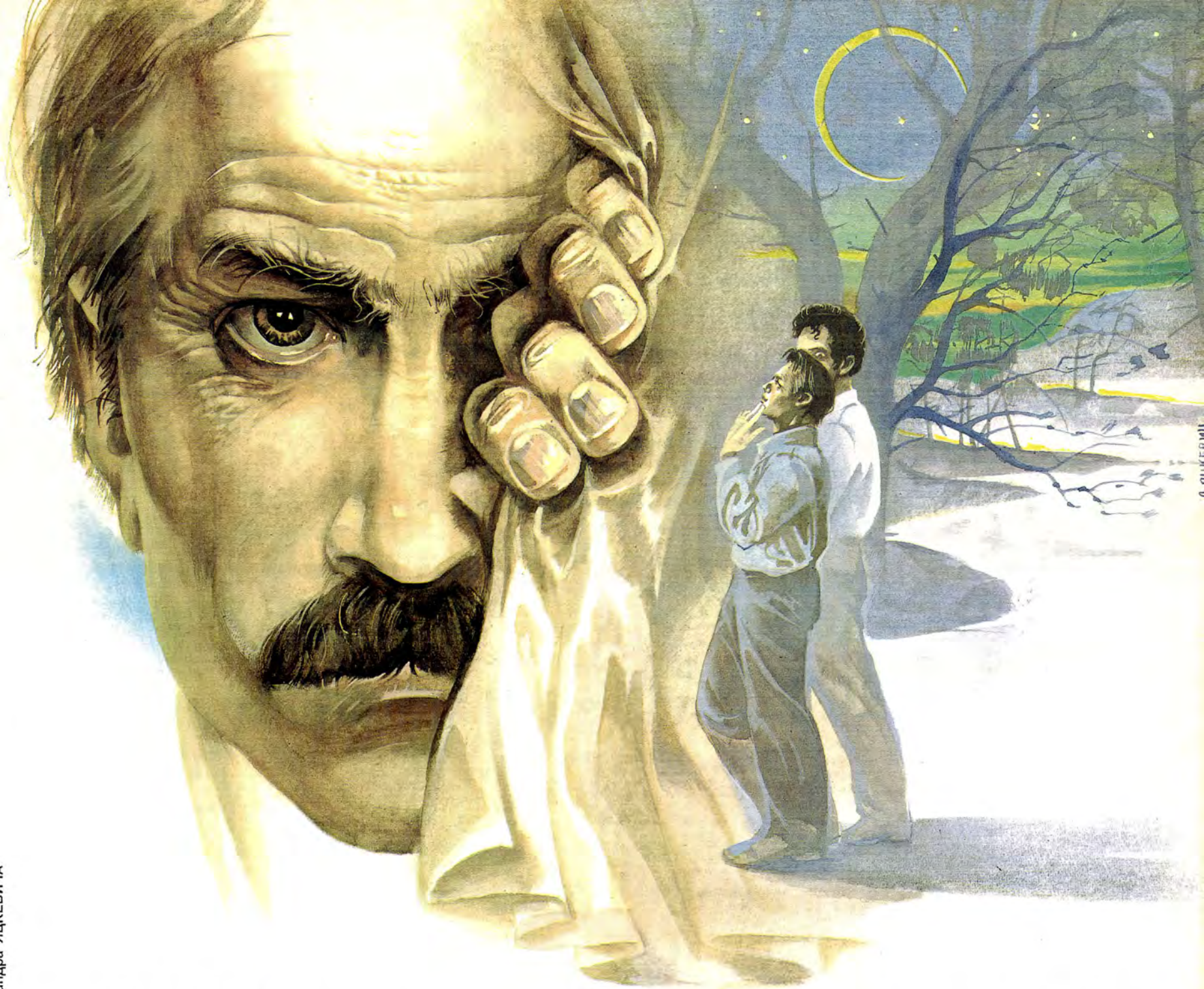
— А помните, вы говорили, что до революции в роддомах существовали специальные приспособления на краях, чтобы открывать воду локтем. И еще вот что. Насколько мне известно, теперь существует централизованная прачечная всех роддомов. Вы как-то сказали, что во всех областях жизни намечается тенденция к упрощению и что этого нельзя допускать в одном — в педиатрии, а еще точнее, в микропедиатрии. Как вы считаете, не является ли это тоже непродуманной мерой в отношении борьбы с инфекцией?

— К сожалению, централизованная прачечная стирает не только пеленки из родильных домов, но и из детских больниц. Конечно, через белье передается масса инфекций. Только переход на употребление одноразовых бумажных пеленок значительно облегчит жизнь малышей.

— В последнее время все, словно очнувшись от спячки, активно заговорили о детской смертности.

— Да, все, что связано с этой проблемой, вызывает крайнюю тревогу и возмущение. Наша страна по детской смертности оказалась на 50-м месте. После Барбадоса — страны с острыми социальными проблемами.

По статистике, в 1913 году из 1000 детей умирало 277 человек. В 1970 году — 25 человек, то есть детская смертность снизилась в 11 раз. Но когда цифра вновь поползла вверх и достигла 27,8 смертных случаев на 1000 детей, тогда и у нас, и за рубежом вдруг стали проявлять интерес к этим показателям. Но эта тревога и заинтересованность объясняются тем, что продолжительность человеческой жизни связана с показателями детской смертности. Для подобного вычисления очень важен этот коэффициент. Если повыша-



II

попробовал идти за ним, но тут кукушка принялась высчитывать кому-то годы и погасила короткую вспышку неопытного певца. И снова второй голос подал сигнал...

Опытный соловей ставил голос соловью-новичку. Но тот был просто бездарен, что вовсе не редкость у соловьев. Все усилия соловья-учителя привели лишь к тому, что ученик заладил на одной ноте что-то очень бедное. И тут, возмущенный его неискusstвом, ударил и разлетелся трелью другой соловей. Притихли все птицы, только голос соловья, не нежный, а мощный, уверенный в силе своей и великолепии, заполнил сад.

Зеленая пыль взметнулась в воздухе, закружилась, разлетелась по всему саду. Пыль густела, уплотнялась и скоро замутила простор. Померкли солнечные лучи, оборвал песню соловей, все затаилось, словно в предгрозые. Качались сосны, это они подняли пыль.

Цветы и травы стояли спокойно, не ощущалось даже малейшего дуновения ветра, и оттого казалось, что сосны сами стряхивают с ветвей бледно-зеленое пылевидное семя.

Нежный гул, такой тихий, что все остальные звуки в природе, как бы ни были они тонки, казались грубыми и жесткими в сравнении с ним, заполнил весь простор... словно был его шелчущим голосом.

Торчащие вертикально мягкие желтые шишечки похожи на восковые свечи. Они мерно покачиваются, и зеленая пыль обволакивает их, словно чехольчиками.

Медленно пыль оседает. Зеленые полукружья ложатся на дорожку, на равнодушные к ней цветы и травы.

Умиротворенные, затихают ветви сосен. Вспыхивают на коре многоцветные жилки, птицы заводят разговор.

Брачное таинство сосен свершилось.

Я с треском вбил в лузу последний шар, мы пожали друг другу руки и вышли в сад пройтись перед сном.

Сад был обильно влажным от росы и шумно пах крепким настоем сосновой смолы, мокрой хвои у подножий деревьев, полевой горчицы и ландыша. Ни луны, ни звезд не было видно за верхушками деревьев, но тихий свет их лежал сияющими полосами на дорожках. Мы пошли по влажному, похрустывающему песку. Лягушата прыгали поперек дороги, бесстрашно задевая наши ботинки.

Вверху, среди деревьев, шла какая-то потайная жизнь. То всхлопнет крыльями невидимая птица, чье тело прошуршит по ветвям и вдруг с размаху гулко стукнется о ствол; разбуженная, над кулем своего гнезда, поднимется резким взлетом, прокричит гортанно и сухо ворона и вновь сольется с деревом, опустится в свое гнездо. И опять шорох, бормотанье в ветвях, и вдруг высокий, злобный вскрик испугнутого или застигнутого смертью существа.

Впереди, где дорожка шла мимо гаража и сворачивала в глубь сада, над ней простерлась черная сосновая лапа, стоящие стоймя шишечки горели под луной. Мой спутник был искусствоведом, аспирантом художественного института, и мне захотелось рассказать ему, как утром мне привелось быть свидетелем брачного таинства сосен. В безветрие сосны вдруг согласно зашумели, затрясли ветвями, сбросив с них зеленоватую пыльцу, семя всех сосен сложилось в плотное зеленое облако, на несколько минут пригасившее солнце...

— А вы умеете видеть,— одобритительно сказал он, и, поощренный похвалой знатока, я заговорил о живописи, которую люблю едва ли не больше, чем литературу.

Не знаю, слышал ли он мои робкие и сбивчивые рассуждения о том, что лишь средствами живописи

можно передать темноту этого сада, темноту во всех ее оттенках: белесую темноту дорожек, бледно высветленных месяцем, темень черных деревьев и еще более глухую, плотную, непроницаемую тьму прозоров между дальними деревьями, там, в глубине сада. Он молчал, пораженный чем-то в глубине самого себя.

Мы подошли к гаражу и свернули в другую аллею, на миг отбросив на дорожку четкие тени: моя корочка, шире, его длиннее, зыбче, с кудрявой шапкой волос, отпечатавшихся до последнего завитка. Тени исчезли за нашими спинами, лишь только мы вступили в аллею.

— Давайте сядем! — отрывисто произнес он и, не дождавшись согласия, опустился на скамейку.

Я последовал его примеру. Сквозь полотняные брюки ощущался холод и влага скамейки, когда же я отвалился к спинке, то и лопатки зябко ощутили чуть клейкую сырость.

Ловя собственное дыхание, по аллее промчался овчар Арно, блеснул его ошейник, качнулись травы обочь дорожки, сверкнув капельками росы на стеблях.

— Живопись,— сказал он, и голос его пресекся.— Живопись... Он тяжело дышал, я видел, как подымалась и опускалась в вырезе рубашки его крепкая грудь. Его волнение сообщилось мне, я глубоко втянул воздух — словно затажкой крепкого табаку проняло все тело благоуханием травы и зелени.

— Живопись есть... — Он не глядел на меня, в глубь, в темень сада устремлены его глаза с яркими пятнами белков. Я понимал его, эти слова надо снять с сосновых ветвей, с листьев и стеблей трав, словно росу.— Живопись есть,— голос его налился, он обрел единственное слово,— изображение внешнего мира, как объективно данной нам реальности, на плоскости посредством красок... — Он дышал глубоко, слышимо, чуть спадающим дыханием.

— Пошли спать,— сказал я,— сыро да и комары...

СУДЬБЫ Г

Валерий КРАСНОПОЛЬСКИЙ

БАРБЫШ

Вас расстреляли в Барбыше,
не угодивших чем-то Сталину...
Ружейный залп —
и в камыше
бессмертными навеки стали вы.
Кружило в небе воронье,
испуганное и горластое.
Что погубило вас?
Вранье?!
Иль вера в идола опасная?!
С тех пор, как пробил смертный час,
безверье душит нас,

коверкает...
Мы не могли узнать от вас,
кем правда в прах была повергнута!
Не веря даже в часть вины
своих отцов,
десятиклассники
под пули шли,— сыны войны —
все поголовные отказники...
Кровавый путь прошел народ,
и ложь должна была окончиться,
но не ее пришел черед,—
как прежде правда в муках корчится.
Кумира твердая рука
для исполнителя спасение:
в деревне видит кулака
и в пошлости винит Есенина.
Из этих подленьких рабов-
садистов

вербовали гвардию
ненасыщаемых клопов,
паразитируя на партии...
Кого стреляли в Барбыше?!
Неспомненных партийцев-ленинцев!
И это было по душе
Верховному...

Подонство ценится.
О чем же спорим,
голосим?!
О культе, может быть, печалимся?!
Тогда вождя провозгласим,
построимся и рассчитаемся...

АВТОБУС

Автобус пустой, полуночный,
с собою меня заберет,
и ветер холодный, восточный
слезу незаметно утрет...

Автобус по лужам покатит,
меня в темноту увозя,
и черная длинная скатерть —
дорога заглянет в глаза.

А ты, ничего не прощая,
с последней надеждой уйдешь,
внимания не обращая
на поздний октябрьский дождь.

Напрасно желанье вернуться
меня и тебя обожжет!
Ах, если б тебе обернуться,—
автобус всегда обождет...

Но вскрикнули дверцы стальные,
автобус ушел не спеша,
и мы, словно пули шальные,
навек разлетелись дрожа.

ЛИДА

Развалины старого замка,
заросший от времени ров
с далекого полустанка
я вижу сквозь ночи покров.

И это ночное виденье —
две юных разбитых души,—
как скорбное песнопенье
меня настигает в тиши.

На что мне легенда чужая,
погибшая чья-то любовь?!
Но в сердце моем, обжигая,
их страсть возрождается вновь.

Мы связаны все, человеки —
живущие,— с теми,
кто жил...

Текут нашей памяти реки,
и каждый воды их испил.

Спасибо тебе,
город Лида,
за память, что ты сохранил
о девушке с именем Лида,
которую парень любил...

На камнях истертых пролита
небесной своей чистотой
любовь — с вечным именем
Лида,
пленив своей простотой.

Георгий БОРОДЯНСКИЙ

Значит, слово свое мы еще не нашли,
не сказали.
Значит, мы еще вряд ли кому на Земле
интересны —
Из провинции два чудака на Казанском

вокзале,
В зале отдыха, где со спины продуваются
кресла.

Мы подремлем с тобой, воротник продышав,
до рассвета.

Мы дождемся обратного поезда
И — до свиданья!

А в столице стихов в это время не меньше,
чем снега.
А у нас, говорят, ожидается похолоданье.

Пассажиры к перрону несут чемоданы и сумки.
Вот и наше купе — две свободные верхние

полки.
А потом будут длинные, длинные
сутки.

Можно думать и спать, потому что устали,
как волки.

Можно думать и спать до Казани,
Потом от Казани

До единственной станции
в этом единственном мире,

Где единственных слов мы еще не нашли,
не сказали,

А прекрасных иллюзий теперь уже нет
и в помине...

■
Что было, то было — могу рассказать.
Что будет, откуда я знаю?

Но точка. И выдох. И новый абзац
Я с красной строки начинаю.

Диктуйте, учитель! Продолжим игру.
Пусть радостью станет ученье.

Позвольте, я только чернил наберу,
За партию усядусь ловчее.

Мелькают сухие штрихи тополей
И воздух предвзимьем взволнован.

Но белый остаток тетрадки моей
На вечность вперед разлинован.

Пусть с каждой строчкой рука тяжелей,
Над кляксой хохочет соседка,

Диктуйте, учитель! Диктуйте смелей!
Меня не волнует отметка.

Как школьник, рассеян, вихраст и глазасть,
Опавшие листья пинаю.

Что было, то было — могу рассказать.
Что будет — не знаю. не знаю...

Виктор ШИРОКОВ

■
Неумолим к мечтам возможностей предел,
не помню, кто сказал про пальцы брадобрея...
Я прожил эту жизнь не так, как я хотел,
пусть к дочери судьба окажется добрее.
Уходит день и час, и не остановить
мгновенья, и нельзя надеяться на случай.
Сердца соединить едва ли сможет нить
взаимности простой, когда ты невезучий.
К тому ж узка стезя, я пробовал, друзья,
пролезть бочком в ушко, да только заставаю.
Кто муж, а не дитя, тот знает, что нельзя
раздваиваясь жить, любовь в себе скрывая.
Двойное бытие прекрасно на словах,
как радуга зимой, сплит двойное зренья,
но бедная любовь тотчас потерпит крах,
не выдержав тоски двойного притяженья.
Я локон отверну, как кокон разверну,
знакомое лицо, как бабочка, взвывается...
Я верю, что еще успею и верну
на крылышки пыльцу с волшебной позолотцей...

РЯЗАНЬ

Все-все повторяется, в Лету не канет:
прогулка, походка и девичий локоть...
Ты тоже читаешь любимой на память
весеннего Фета и зимнего Блока.
Ты тоже идешь по вечерней Рязани,
ныряя внезапно тропинкой под горку.
И звезды знакомо мигают глазами,
и тянутся руки к полыни прогорклой.
Летит полшалком рязанское небо,
когда ты подругу закружишь коварно...
Все так же у церкви Бориса и Глеба
растут в беспорядке полынь и татарник.
Все-все повторяется полночью летней,
и ты еще глуп, очарован и молод;
и как угадать, что с зарею рассветной
войдет в твою жизнь повзросления холод.
Что время сотрет в твоей памяти Трубеч
надежней, чем прежде срывали татары;
и то, что любил ты, не только разлюбишь —
разрубишь, чтоб ввек не встречаться со старым.
И город, воспитанник князя Олега,
в есенинских святцах открывшийся миру,
вдруг станет далек, словно лик печенега,
разрубленный вкусом беспощадной секирой.
Развеются чары пленительной ночи,
Солотча, Ока — что ни час — все далече...
И только еще не погасшие очи
при солнечном свете напомнят о встрече.

■
Я от бабушки слышал: «Говеть
еще надо, а ты разговелся...»
Мне казалось: всем нужно гореть,
чтобы ярче рассвет разгорелся.
Атеист, отрицал я посты:
Эка невидаль! Голод не тетка!
А у бабушки речи просты,
не прикажет, а выскажет кротко:
«Мол, ты Бога, милок, не гневи,
чай, крещеный и причащенный,
надо верить и жить по любви,
чтобы умер, всем миром
проценый...»

Вижу нынче — разевшийся люд
жаждет голода, чтоб исцелиться.
Вижу, как под заборами пьют,
искажая гримасами лица.
Неужели никто не сказал
им, что надо за совесть работать,
что бессонный подземный вокзал
соберет с них подушную подать?!
А вот бабушка так далеко,
ей осталось молчать да поститься...
Я б спустился — но так глубоко,
хорошо хоть досталось проститься.

ПЕРЕМЕНЫ

Виталий МУХИН

Вот это ночь!

Продрогшая, что пробы
Морозу негде ставить, а из сфер,
Как из ведра, по крышам и сугробам
Материально хлещет рыжий свет.
Свирепые свирели полнолуныя
Свистят метелями над спящею землей.
Не то, чтобы весь мир ополоумел
Или кому приснился сон какой,
Но оживают тени неживые,
По мостовым заснеженным скользя,
И в подворотнях псы сторожевые
Вбирают небо в ноздри и глаза.
И в очертаниях,

очерченных нерезко,
Проступит вдруг окно, дорожка, шлак.
Да как припомнится знакомая

окрестность

И женский шаг...

Не тронь задумчивых волос,
не бреди слепой надежды.
Любимая, ведь все сбылось
и отцвело, как взгляд твой нежный.
А если так — о чем тужить,
скажи, любимая, на милость,
что толку письма ворошить,
гадать о том, что не случилось?
Оно сбылось, оно сбылось —
как снег мерцающих черешен.
Оно сбылось, сбылось, сбылось! —
как свет звезды, давно умершей.
Летит ее знобящий свет
во тьме иных тысячелетий...
А нас с тобой давно уж нет,
давно уж нет на этом свете.

ПЛАЦКАРТНАЯ РУСЬ

Все детство мое прошло на колесах —
платформы, гудки, поезда...
В плацкартных вагонах

вдоль темных откосов
мы едем незнамо куда.

И мама моя молода и красива,
с тяжелой русой косой;
и папа чуть пахнет махоркой

и пивом,

как ежик, небрит и босой.
Я мало что помню, но помню,

но помню

безжалостный, гадкий свой страх,
когда шел солдат-инвалид по вагону
с протянутой кепкой в зубах;
веселого парня с губною гармошкой —
он маму упрашивал спеть
хотя бы куплет, ну хотя бы

немножко

про вольную русскую степь.
И степь начиналась.

И лето кончалось.

К полудню спадала жара.
Эпоха вокзалов державу качала,
железные дули ветра.

А навстречь им с песнями,

матом и свистом

несли свою удачу и грусть
крестьяне,

строители,

авантюристы —

плацкартная нищая Русь.
Все дальше от Бреста,

все ближе к Ишиму,

в надежде на хлеб и жилье,
летели составы, летели машины,
а с ними и детство мое.

ОСЕНЬ

Обрушится красою невозможной,
Как ливень, листопад или грачи,
И припадет —

целебный подорожник,
Таким прохладным сердце бы лечить
От всплеска плеч — до обморочных яблонь;
Щедра, щедра — до зябнущих лугов,
Раздетых сенокосом под сентябрь,
До слишком скорых, ранних поездов.
Ах, как щедра до слез необъяснимых,
Вся из того, что мучило да жгло.
Так невозможно — будто ты приснилась.
Проснувшись — вправду лето отошло.
Но мне ли снова сон приснится странный,
В котором нет невозвратимых дней...
Прощай, прощай... Остался запах пряный —
И он уйдет, чтоб всё вспомниться поздней.

Анна САЕД-ШАХ

Скажи мне, сколько нужно снов,
Чтобы тебя в одном увидеть?

Скажи мне, сколько нужно слов,
Чтобы одним тебя обидеть?

Скажи мне, сколько нужно слез,
Чтоб потерять тебя из виду?

Скажи, ну сколько рук теперь
Мне не хватает для объятий?

Давно пора идти к тебе,
А я стою все в том же платье.

Я в платье марлевым опять
Не то вдова, не то невеста, —

Кого нетрудно потерять,
Того искать неинтересно.

В солнечном сквере

день копошится:

Студенты, коляски,

приезжая публика.

А возле скамейки

безрукие птицы

По крошке таскают

от теплого бублика.

Глупых, беспомощных

как не побаловать?

Доброе лето

долго ль продлится?

...Но смотря им вслед

бескрылые бабушки

И внуки,

ангелы круглолицые.

О южные ночи! Судьбы перемены!

В шипучую пену

Войду и растаю,

И небо седое, и море седое,

И я — молодая.

А небо ложится на теплые плечи,

А волны за шею меня обнимают:

Седые-седые, вы будете вечно,

Вы будете вечно,

А я — молодая!

Для женатого дом — спасенье,
Для возлюбленной — ключ в двери.
Без субботы и воскресенья
Нарисую календари.
Мне два дня без огня и света
Будет сонно и хорошо:
Будто я затерялась где-то,
Будто ты меня не нашел.

Я воду пью глоточками,
А губы все сухие.
Я дни считаю строчками:
Хорошие, плохие.
Хорошее запомнится,
Плохое — канет,
А жизнь моя наполнится
И мудрой станет.

Я не хочу быть твоей обузой,
Ты это знаешь,
Зачем мне шею руками-бусами
Обвиваешь?
Я украшений других не помню,
Не понимаю —
И даже ночью, во сне глубоком,
Их не снимаю.

Мне не жалко ничего,
Только грустно нестерпимо,
Только стыдно оттого,
Что не я тобой любима.

Потеря — облегченье добряку.
Но я не так добра,
А ты не ноша,
Которую я на дороге брошу,
Чтобы самой достаться дураку.

Вот и принято решенье,
Начинается игра:
Я дарю вам прощенье,
Всем, кто мне желал добра.
Всем, кто, прошен и непрошен,
У моих звонил дверей,
Всем, кто брошен и не брошен
В бездну памяти моей.

Рифат ГУМЕРОВ

В любви не обделен судьбой.
Не скажешь — нищий.
Но угораздило меня в тебя
влюбиться.

Ходить за ним и за тобой.
Быть третьим лишним
В твоём огне...
В твоём окне —
Как мухе, биться...

НОЧЬ

Растаял снег. Весенний. Рыхлый.
Шел дождь немного погодя.
И где-то там, вдали, затихли
Шаги прошедшего дождя.
Не замочить стараясь ноги,
Я шел. Но вдруг застыл, когда
Увидел — в луже на дороге
Стояла звездная вода.

АРБАТ

ООНАРЕВШИЙ

Ирина ЛОБАНОВА
Фото Сергея ВЕТРОВА

«Товарищ... верь, взойдет она,
звезда пленительного счастья...»



— Арбат? Арбат — это хорошо, это прекрасно!

— Арбат? После того, как лет двадцать пять Булат Окуджава только и твердил: «Ах, Арбат, мой Арбат» — слышать не могу этого слова. И что за манера у нас, если за что-либо возьмемся, доведем до абсурда. Очень жалею я, что Булат предмет восхищения выбрал мою улицу. Что, вокруг ничего другого не существует?..

— Ясно.

— Нет, не ясно. А ясно то, что Арбат теперь лучше всего переименовать, потому что другим улицам обидно, потому что сеется нездоровый «шовинизм» арбатовцев. Чем, скажите, хуже Неглинная, или Кропоткинская, или Пятницкая, или Ямские, или?..

— А я не сторонник переименований, но согласен с тем, что Арбат много потерял после того, как его превратили в музей. Он стал похож на декорацию, декорацию для оперетты, и только. Хуже всего здесь фонари...

— Зачем я пришел на Арбат? Решил посмотреть. Много слышал. Впечатления? Да нет никаких — нерусская улица — прибалтийская, западная, такую я видел, например, в Амстердаме, в Каунасе. То же самое Медведково, только наоборот. Медведковых, Черемушек полно во всех точках Советского Союза, во всех городах, где я был. А теперь такие, как Арбат, появляются...

— А вы по профессии кто?

— Я-то? Инженер-строитель...

— Сами, значит, строите?

— Да нет, от меня ничего не зависит...

Так начался разговор с теми, кто пришел в воскресный летний день сюда, на новый старый Арбат...

Расположенные в три и в два ряда по середине улицы фонари блестели под солнцем и виднелись далеко, до самого ее конца. Разноцветная толпа под ними издали казалась широкой нарядной демонстрацией. В центре улицы в беспорядке стояли бетонные прямоугольные вазоны, видимо, предназначенные для цветов, на дне некоторых лежала высохшая земля. На широких деревянных лавках, под фонарями, тесно сидели люди, кое-кто прикрывался газетой от жаркого солнца.

Огромные очереди томились под яркими тентами-зонтиками уличного

кафе за стаканом сока и порцией красивого цветного мороженого. Проголодавшиеся толпились у дверей пельменной.

В кооперативный гриль-бар можно было войти, но и в помещении очередь. Бармены — двое мужчин и две женщины, усталые и потому, вероятно, не вполне любезные — сдержанно и быстро отпускали черный кофе, напитки и жареных, сочащихся, ароматных цыплят. Жирные куры на вертелах в стеклянной печи-гриле вызвали аппетит, умеряющийся разве только ценой за порцию. Несколько человек вошли в душное помещение бара и, ознакомившись с ценами, тут же вышли на улицу.

Рядом с входом в бар, на углу — толпа: люди разглядывали на лотке



пластмассовые значки с портретами известных эстрадных певцов. Продавали значки бедно одетая женщина с напряженным выражением лица и мальчик лет девяти-десяти. Видно было, что мальчик переживает, и в то же время бодрится, надеется, что они с мамой заработают немного лишних денег. Люди молча поглядывали на них. Пожилой мужчина, отойдя, мрачно, вполголоса пробубнил, ни к кому не обращаясь: «Это у них семейным подрядом называется...»

На подоконниках старинных домов выставлены на продажу картины. Здесь же художники рисовали портреты. Рядом готовые работы, и заказчик мог видеть манеру исполнения. Позировали чаще всего молодые женщины и средних лет мужчины. Около них собирались прохожие, присматривались, оценивая сходство портрета с оригиналом.

С художниками соседствовали фотографы. Фотостудия-люкс «Арбат» приглашала желающих сфотографироваться в необычном интерьере. Дети со всех сторон облепили легкий заборчик, за которым стояли старинные машины, ходил огромного роста мохнатый медведь и настоящий, с ярко раскрашенным лицом, клоун, зазывающий прохожих. Желющие садились в открытые коляски, кое-кто надевал широкополую черную шляпу или серебристый цилиндр.

На противоположной стороне на стуле одиноко сидел парень лет восемнадцати и на гармошке играл вальс «На сопках Маньчжурии».

На одном из дощатых заборов, ограживающем еще неотреставрированный особняк, расположил свою экспозицию самодеятельный поэт. Листки с напечатанными «стихами», приколотые к забору, укрывал прозрачный целлофан. Здесь можно было прочитать такие строки:

*Вновь безголовая зима
Назло весенней перестройке
Скопила множество дерьма.
Вдали и около помойки
Воркуют стайки голубей!..*

Те, кому стихи нравились, могли купить небольшую, в десять — пятнадцать страниц, отпечатанную на машинке книжечку-рукопись.

— Сколько стоит? — поинтересовалась нарядно одетая девушка, листая украшенную вензелем книжечку.

— Эта — два рубля, а та, — пожилой «поэт» суетливо указал на книжечку потолще, — пять.

Девушка возвратила рукопись и отошла к группе молодых ребят с гитарами.

— Что, дорого?! — крикнул вдогонку «поэт», предлагая, видимо, поторговаться. Но голос его заглушил аккорд: молодые люди ударили по струнам гитар, толпа тотчас повернулась к ним и взяла их в кольцо.

...Много чего можно встретить на Арбате. И все же царят здесь художники разных возрастов, с различной творческой манерой: реалисты, абстракционисты, сюрреалисты, символисты, иконописцы, примитивисты. Среди множества работ попадались и произведения мастеровские, написанные умелой рукой, и слащавые, «натурально выписанные» — розочки с бутончиками и «примороженными каплями» (как гласила реклама), елочки под снегом, привлекательные «ню», березки под луной и прочие «доходчивые» произведения.



Иностранец покупал у молодого художника сразу две работы. На одной, написанной маслом, изображено было разбитое яйцо, из которого выглядывал человеческий глаз, на другой карандашом нарисованы часть лица и рука. Автор аккуратно переложил картины картонками, завязал тонкой веревочкой и, откусив ее зубами, передал новому владельцу.

— Сколько он заплатил? — спросила я, подождав, пока покупатель скроется.

— Полтинник.

— Пятьдесят рублей? За две?

Художник кивнул.

— И часто вы здесь продаете работы? — не отставала я.

— Почти каждую субботу и воскресенье.

Архитектура — это ритуал.

Уличные сюжеты.

«Я люблю, а значит, я живу...»



— И всегда покупают?

— Почти всегда.— Он задумался.— Дешево я продал картины. Та, вторая, с лицом,— сильная работа.

— Вы студент?

— Нет. Работал реставратором. Теперь вот здесь.

— Что же вы, нигде не работаете?

— Вы думаете легко стать художником? У меня отец ректор института, который я оканчивал. И все равно я не мог найти такую работу, чтобы заниматься творчеством, самостоятельно, ни от кого не завися. Для того, чтобы стать художником, нужно, чтобы было вот здесь (он ткнул себя пальцем в лоб) свободно. Понимаете?

— Сейчас художников очень мало у нас. Все, кто есть,— здесь, на Арбате. Других нет.



С
Е
Л
К
Т

Вряд ли, — сказала я. — Худож- в гораздо больше.

Те, кто члены МОСХа, не худож- — сказал он тихим голосом.

Вряд ли, скоро отменят закон о ту- стве, тогда художники смогут

одно работать. Вы ведь знаете, Бродского обвиняли в тунеяд-

читали статью о нем? Бродского? А-а, поэт. Иосифа

Бродского? Да, знаю. Пора собираться...

ужели же и эти молодые, у кото- такая возможность проявления

их способностей и таланта, уже жимы непримиримостью?

да скамейке. Сзади старушки об- сали, кому, где и какую дали

квартиру. Рядом со мной два парень- ли мороженое, они оказались

друзьями МИФИ.

— Нравится Арбат? — спросила я. — Часто здесь бываете?

— Конечно. Арбат — единственное место, где можно чувствовать себя раскованно.

— Надо, чтобы здесь было поболь- ше дешевых уличных кафе. Поесть негде. Кооперативные — дорогие.

— Да, в наше время, — вмешалась старушка, — много было всяких лот- ков с пирожками, мороженым...

— И вообще, — подключились к разговору новые собеседники, — как-ая же это конкуренция, когда госу- дарственные магазины, кафе высе- ляются, а кооперативные открыва- ются вместо них? Здесь, на Арбате, любое дело доходно. А кооператоры пусть бы проявляли свою инициати- ву в другом месте.

— Когда я приехала сюда пока- зать своей подруге квартиру Пушки-

на, у меня было такое впечатление, словно я потеряла Родину, что у меня ее отняли. Арбат поразил меня своей аляповатостью, бестол- ковостью. Улица потеряла интелли- гентность. Все лезет вперед — витри- ны, реклама, фонари, которые заби- вают старинные дома... Это унижает Арбат, делает его совершенно не по- хожим по духу на прежний.

— Арбат «офонарел»...

— Вот именно. Этой фразой опре- деляется та безвкусица, тот ярма- рочный характер, который здесь при- сущствует.

— Знаете, чем был для нас Арбат раньше? Он был не просто улицей, он создавал ощущение центра жизни, центра культурного общения. Три года назад школа № 69, которая те- перь находится в Строгино, органи-

зовала вечер встречи с учениками, ушедшими в годы войны на фронт. На сцене висел плакат — «Арбатство, растворенное в крови, неистребимо, как сама природа». Это строки Була- та Окуджавы, который, кстати, окан- чивал нашу школу. Когда мы собра- лись вместе, вдруг поняли, что всех нас объединяют интеллигентность, духовность. Это дал нам Арбат. А ведь большинство из нас — дети рабочих, из малообразованных се- мей. Но культура была. Единственно, что обнадеживает сегодня на Арба- те, — это художники. Они делают Ар- бат живым...

— Без них здесь было бы скучно.

— Быть может, именно художни- кам удастся вернуть Арбату его дух. Вернуть духовность.

— А вы как считаете?..

Вахит ШАРИПОВ

ТАЛАНТЫ БЕЗ ПОКЛОННИКОВ

Политехнический музей в Токио несколько разочаровал. Страна, удивляющая мир каскадом технических чудес, могла бы иметь более богатую и разнообразную экспозицию, подумалось мне, когда я наскоро обошел все пять этажей музея и бегло осмотрел экспонаты.

Верхоглядство спешащего туриста общеизвестно, и этот «общий» взгляд, предпочитающий лишь особенное и исключительное, пропускает порой самое главное, не всегда лежащее на поверхности. Каждый музей имеет свою специфику, назначение и свой ключ понимания. И вот, снова оказавшись на исходной позиции, я все-таки решил понять, в чем сверхзадача музея.

Странно, почему я сразу не обратил внимания на то, что здесь тесно не от экспонатов — от посетителей? Почему нет привычных табличек «Руками не трогать!»? Наоборот, можно и нужно трогать, пробовать, щупать. И руками, и ногами. Вот пятилетний малец под одобрительные возгласы родителей простым нажатием кнопки запускает... действующую модель атомной электростанции. Миниатюрная АЭС выполнена из прозрачных материалов — видно все, что происходит внутри труб, агрегатов, механизмов. Вот подросток лихо заводит... мотоцикл последней марки фирмы «Хонда», по-ковбойски взлетает в седло и включает скорость. Взрослые спокойно взирают на «гонщика», ибо мотоцикл надежно закреплен на вращающихся роликах, а выхлопная труба соединена с отводным шлангом...

Умозрительное знание нестойко. А возможность самому ощутить свойства, качества и особенности вещи подхлестывает интерес и любознательность.

На первом этаже музея расположился небольшой зал радиотехники. У столиков с одним-двумя экспонатами и пачкой рекламных проспектов представители известных фирм не столько демонстрировали свои новинки, сколько общались со школьниками и подростками. Те показывали им свои схемы и чертежи, о чем-то спорили и что-то доказывали, рисуя прямо на рекламных проспектах. Поражало сверхвнимательное и заинтересованное отношение стэндистов фирм к юным посетителям как к потенциальным коллегам. Обмен визитными карточками, телефонами и адресами не оставлял сомнений в том, что общение и контакты, несомненно, будут продолжены. Но уже в стенах фирм.

Перейдя в следующий зал, я увидел еще более удивительную картину. Это было зрелище! В президиуме большого зала восседают достопочтенные люди. Установлены телекамеры. По залу, меж рядов кресел, расхаживает шоумен с микрофоном в руке — посредник между видными учеными, преподавателями токийских университетов — именно они сидят в президиуме со своими ассистентами — и молодежной аудиторией. Ученые и профессора могут задать залу любой вопрос, напоминаю-

щий знаменитые вопросы академика Капицы на его семинарах: почему луна не из чугуна? почему вода мокрая? Ценится не столько точность ответов, сколько оригинальность мышления, логика доказательств, остроумие и находчивость. Шоумен востро подзуживал и аудиторию, и ученых, не скрывая своего пристрастия в пользу «неучей».

Кстати, любой из зала мог, в свою очередь, задать каверзный вопрос президиуму. Бывало, ученые под веселый общий хохот поднимали руки — сдаемся! Подозреваю, что никакого сценария у этой телепередачи не было, никто не знал и не мог знать, чем и как она закончится. Шоумен удачно каламбурил, подзадоривал и подстегибал обе стороны: «Думайте! Еще лучше думайте!» Наконец, произошло то, ради чего, собственно, и была устроена эта передача-поиск. Поднял руку и попросил слова худенький подросток лет 13—14. Робея, поправляя очки, что-то пролепетал. Никто ничего не расслышал. Шоумен, словно востро востро, кинулся к нему: «А ну-ка, дружок, повтори в мой микрофон, что ты сказал?»

— Я бы хотел спросить: существует ли иной способ доказательства биннома Ньютона?

— Президиуму вопрос ясен? Пока ученые думают, быть может, кто-то из зала ответит на вопрос молодого человека?

В зале — напряженная тишина. Ученые, посоветовавшись, ответили уклончиво: возможно, существует, возможно, нет... насколько нам известно, никто этим специально не занимался...

Телеоператор уже не отпускал подростка из кадра. Выдержав эту пытку, дважды поправив и без того сидящие на переносице очки и убедившись, что ни зал, ни президиум не в состоянии ответить на его вопрос, он четко продиктовал свой вариант доказательства. Первыми зааплодировали ученые. Зал ликовал. Шоумен, задыхаясь от восторга, лишь выдавливал из себя междометия. Один из сидящих в президиуме передал свою визитную карточку ассистенту, тот под непрекращающиеся аплодисменты направился к подростку и, поклонившись, вручил карточку.

— Что будет дальше? — спросил я у переводчицы.

— За этого паренька можно не волноваться. С мальчиком побеседуют, выяснят его сильные и слабые стороны, составят для него индивидуальную программу совершенствования. Далее университет, фирма или лаборатория... С ним все ясно, потому что он одаренный. Кстати, вам повезло! Не каждый раз случаются такие удачные передачи...

В прошлом году известная шведская автомобильная фирма «Вольво» выделила четыре миллиона крон для работы со школьниками с целью выявления среди них потенциально способных конструкторов и дизайнеров. По подсчетам экономистов фирмы, затраты окупятся через 9—10 лет. Стоит напомнить, что

даже при жесточайшей конкуренции на мировом авторынке и засилье относительно дешевых японских машин «Вольво» не имеет проблем со сбытом, и 80 процентов ее продукции идет на экспорт. Репутация фирмы чрезвычайно высока, как высоко и качество ее продукции. И при этом она не останавливается перед дополнительными финансовыми издержками. Смысл и цель «меценатства» не составляют особого секрета. В середине 90-х годов, когда конкуренция еще более обострится, «Вольво» не будет ждать стихийного притока одаренных инженеров, конструкторов и дизайнеров, — она уже сегодня закладывает прочный фундамент завтрашнего успеха и процветания. Среди множества перспективных направлений деятельности шведские автомобилестроители избрали единственно верное — все будут решать кадры специалистов, их квалификация, способности и талант.

Всеамериканскую славу получают победитель и призеры конкурса фирмы «Вестингауз» среди подростков и школьников. Фирма не скупились на расходы по организации консультаций. Автор лучшего изобретения года (конструкции, поделки, модели) удостоивается солидного приза в 10 тысяч долларов и после окончания школы льготной стипендии в колледже или университете. Естественно, получив диплом инженера или конструктора, он приходит работать в ту же фирму. Одаренных и способных ребят буквально ведут путем поощрений и приманок по цепочке «школа — вуз — фирма». Отбор, селекция талантов — самая выгодная форма вложения капитала.

Журнал «Англия» не преминет сообщить советским читателям, кто в их стране признан лучшим юным конструктором года и кто он изобрел-выдумал.

Читатели, уже догадавшиеся, к чему я клоню, могут возразить: разве у нас не существует разветвленная сеть технических кружков, разве не устраивают выставки научно-технического творчества молодых? Верно, существуют, устраивают, но при всем желании я не могу вспомнить ни одной фамилии и работы победителя конкурса НТТМ. Быть

может, из-за того, что выставки, как и кружки, страдают общей нашей болезнью — погоней за количеством, валом. Но самое печальное — творчество молодых зачастую обречено оставаться невостребованным баловством, потому что ни предприятиям, ни министерствам оно не нужно. От своих рационализаторов-изобретателей не знают куда деваться, а мытарства наиболее известных из них давно стали классикой современного жития святых мучеников. Даже замеченные и обласканные общественным вниманием и поддержкой автосамодельщики из Ленинграда Парфенов и Хаинов не могут быть зачислены в разряд счастливого исключения. Существующая система жизнедеятельности предприятий и министерств — против них и многих-многих других. Не грустно ли: два вчерашних школьника-дилетанта пытаются прикрыть брешь конструирования и дизайна в системе Минавтопрома под его же энергичные заклинания: «Пора и нам диктовать моду в мировом автомобилестроении!»

Специалисты по организации труда утверждают: один час работы инженера экономит 20 часов работы рабочего. Теоретически с этим можно согласиться, на практике вряд ли это так. Потому что изобретения и рацпредложения надо ВНЕДРЯТЬ. По образному определению академика Зельдовича, схема внедрения при затратной экономике выглядит так: то или иное новшество можно представить в виде конуса, который тупым концом пытаются вдавить в отверстие меньшего диаметра. Идеальный же механизм внедрения — мгновенное всасывание.

Рассчитывать на мгновенную смену инерции привычек, психологии и устоявшегося мышления не приходится. Для этого нужно Время. Вкупе с новой системой хозяйствования оно должно вконец расшатать и отменить затратный механизм экономики, игнорирование технических новшеств, сиротское существование инженерно-конструкторского корпуса. Казалось бы, все постепенно встает на свои места и остается спокойно ждать прекрасного будущего?

Если благополучная и процветающая



«Вольво» заглядывает на 9—10 лет вперед, авансом тратится, ищет и выявляет работников завтрашнего дня, то почему не очень процветающему КамАЗу, чьи грузовики теперь не соответствуют даже вчерашним требованиям, не подумать о том же? Не хочу утверждать, что КамАЗ (а равно ГАЗ, ВАЗ, ЗИЛ и АЗЛК) не помогают, например, своим базовым ПТУ. Я даже не удивлюсь, если выяснится, что каждый из наших автозаводов в год тратит на них столько, сколько «Вольво» за 9—10 лет. Четыре миллиона крон в переводе на наши деньги составляют всего лишь 400 тысяч рублей. Тогда ответьте, пожалуйста, почему наш автозавод может выкинуть в десять раз больше и не побеспокоиться, «работают» ли эти деньги?

Почему тот же КамАЗ не может устраивать конкурсы, аналогичные конкурсу «Вестингауза», победители которых получали бы именные направления в Камский политехнический институт с правом поступления без сдачи экза-

менов? Почему бы, например, не вручить победителю предмет вождения многих мальчишек — мотоцикл «Ява»? А если его новшество, изобретение или модель исключительны, то и легковой автомобиль? Почему бы и нет? Помимо прочего, торжественное подведение итогов и вручение призов могло бы стать великолепным и вдохновляющим зрелищем.

А что думают по этому поводу в Набережных Челнах?

Первый секретарь горкома ВЛКСМ Фарит Башаров:

— Я могу лишь посочувствовать западным фирмам, которые, выжав из других возрастных групп все, приступили к разработке творческих залежей на подростковом уровне и, вполне вероятно, в будущем дойдут до ясельного возраста. У нас пока более актуален не столько поиск молодых талантов, сколько использование имеющихся, стучащихся во все двери и окна.

На прессово-рамном заводе трудится

известный на КамАЗе бригадир Вячеслав Бородулин. Он вычитал в каком-то вестнике НТИ о чудо-штампах из бетонпластмассы. Решил попробовать. Помыкавшись в поисках высокомарочных сортов бетона, обратился к нам — помогите! Пока мы по всей стране разыскивали спеццемент, Вячеслав нашел способ заменить бетон металлом. Вместе со своими ребятами изготовил опытные штампы, выдерживающие до десяти тысяч ударов. Сколько он ходил по различным инстанциям, писал лично генеральному директору, брался полностью закрыть программу по мелким сериям для новой малолитражки «Ока»! Тщетно! К счастью для Бородулина и его ребят, новый генеральный директор, оказавшийся более прогрессивным, сам пришел в бригаду и оказал помощь. Это пока единственный случай со счастливым концом.

Мы настолько богаты талантами, что их и искать не надо, сами ходят, обивают пороги. Как-то пришли в горком конструкторы Борис Морозов и Олег Криницын с интересным предложением по новому двигателю для КамАЗа. Чем же мы можем помочь ребятам, если их нигде не поняли и не поддержали? Дать бумагу и предоставить пишмашинку, чтобы они обнародовали малоутешительный факт: наши двигатели отстали от западных на четыре поколения. Случайно ли городская станция юных техников, как, впрочем, и клуб юных техников КамАЗа, влачит жалкое существование?

Безусловно, из этого прорыва обязательно надо выходить. Конкурсы — да! Поиск новых форм стимулирования творческой деятельности молодых, более эмоциональных и индивидуализированных, подсобных тем, что используют западные фирмы, — непременно!

И. о. главного конструктора КамАЗа Рамиль Азаматов:

— То, за что вы ратуете, мы у себя пробовали в течение четырех лет. Управление стимулирования организовало в подшефной школе № 29 несколько групп целевой подготовки дизайнеров, операторов и программистов ЭВМ, чертежников. Занятия вели наши опытные специалисты, практику школьники проходили в отделах и бюро завода. Качество обучения и общий уровень подготовки были таковы, что все до единого выпускники без затруд-

нений поступили в различные институты, включая МГИМО, и ни один... не пошел в вуз нашего профиля.

В Японии попасть в престижную фирму — мечта жизни. А что можем мы предложить дипломированному конструктору? 130 рублей в месяц... Японский коллега нашего конструктора с молоком матери впитал дух состязания, конкуренции. Поэтому для него постоянный поиск нового — такое же естественное состояние, как для нашего специалиста — просидеть над одной моделью, одной серией до пенсии. Машина все равно обречена на сбыт, конкуренция нет, следовательно, беспокоиться незачем. И он постепенно угасает, если не решится переменить профессию или уйти в рабочие и получать вдвое больше.

Вот вы на примере Парфенова и Хаинова косвенно упрекаете НАМИ в бездеятельности. Уверяю вас, оригинальных идей и перспективных наработок как по машинам, так и по отдельным узлам в институте достаточно, но они годами не могут пробить дорогу в производство, к конвейеру. К примеру, Парфенов и Хаинов попросили для своей «Охты» композиты. Откуда их возьмет НАМИ? Никто в стране не производит композиты. Какой смысл создавать фантастические проекты, если нет нужных материалов и внедрение в производство нереально? Свежий пример из нашей практики. Молодые конструкторы по своей инициативе и в свободное от работы время сконструировали и построили оригинальный карт «Пионер», потребность в которых чрезвычайно велика. Он демонстрировался на выставке НТТМ в Москве, был отмечен на ВДНХ и рекомендован в серийное производство. КамАЗ с удовольствием взялся бы за его выпуск, но нам сказали: пожалуйста, как товар ширпотреба, из отходов производства, а фондовых материалов не будет. Я лично не знаю такого расточительного предприятия, где из отходов можно было бы изготовить 10 тысяч картов.

Мое мнение таково: пока мы в корне не изменим существующий порядок, когда уборщица получает больше дипломированного конструктора, пока предприятие будет иметь возможность экономически безнаказанно гнать одну и ту же модель десятилетиями, пока, наконец, у производства не появится острая, жизненно необходимая потребность в постоянно реализуемых идеях и предложениях, меценатство не принесет желаемого эффекта.

Да, сложившаяся СИСТЕМА застойных времен сводила на нет многие инициативы, гася на корню творческий поиск и обрекая на бесплодие таланты. Перестройка только набирает обороты. Ссылаясь на меняющиеся порядки, можно еще некоторое время бездействовать. Но нельзя не предвидеть — и тем более игнорировать — ситуацию 90-х годов, когда положение дел ощутимо изменится. Непременно повысится материальный и общественный статус инженерно-технических работников как ведущей творческой силы НТР. Резко возрастет спрос на талантливых, нестандартно мыслящих конструкторов и инженеров. Мы и сейчас в избытке готовим инженеров, но проблему качества количество не решает. Талант — продукт штучный, требующий долгой и кропотливой шлифовки. До окончательной кондиции он доходит непосредственно на месте, на производстве, что и подтверждает зарубежная практика. Пока же производство, получая из вузов полуинженеров и полуконструкторов, доводит их у себя до уровня посредственных специалистов, не более. До талантов руки не доходили. Сегодня отношение к ним меняется или по крайней мере должно меняться.

Научно-техническое творчество молодежи ныне перестраивается, ставится на широкую общегосударственную основу. Благотворные перемены начались в вузах. Слово теперь за предприятиями. Эту работу нельзя откладывать на потом. Надо ее начинать уже сегодня. Сейчас! Потому что таланты всегда были современниками будущего.



Коллаж Олега ГРАЧЕВА

Нина ТИХОНОВА

ПРАЗДНИ ОБЩЕМ БЕДЫ



Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

ХОРОВОД У БАОБАБА

Для меня «АССА» начинается далеко за пределами кинотеатра и потом, после окончания фильма, продолжается в решении самых что ни на есть насущных проблем. Неужто такую реакцию вызывает надуманная история, сталкивающая крупного вора — «мокрушника», подпольного дельца-миллионера... и слегка «панкующего» мальчонку, рок-музыканта? Для детектива сумбурно и затянута: все время намекается на подготовку некоего ограбления, словно только для того, чтобы ввести в кадр пистолет, которым юная содержанка преступника отомстит в финале за убийство своего друга — рокера. Любимый треугольник, завершающийся жуткими смертями обоих соперников, не считая жертв среди побочных персонажей, — маловероятный исход для повествования о нашей сегодняшней действительности.

Почему же этот сделанный «под Голливуд» фильм вызвал столько откликов задолго до появления в прокате?

Признаться, я шла на беседу с режиссером «АССЫ» Сергеем Соловьевым, уже ожидая встретить матерого конъюнктурщика, хладнокровно коллажирующего заманчивые приемы кинематографа. В дебрях обширного мосфильмовского комплекса разыскала две уютные комнаты, располагающие не только богемным беспорядком ярких афиш и пробных фотоснимков, но и взволнованной искренностью своих обитателей — сотрудинок творческого объединения «Круг» во главе с Соловьевым.

СОЛОВЬЕВ:

— Когда разговор заходит об «АССЕ», мне очень трудно давать толковые интервью в смысле: что я хотел сказать этим произведением. Много хотел. А что сказалось?.. Кар-

тину формировало, например, ощущение невозможно самодовольного сегодняшнего «интеллектуального» искусства. Даже лучшие, действительно умные произведения такого рода источают самодовольство: дескать, я все понял и тебя научу. Мои прежние работы в том грешны тоже. Да, искусство последних десятилетий многое приобрело — стало тоньше, полифоничнее. Но и потеряло что-то важное. Может быть, демократизм общения со зрителем? Почему молодежь ушла из кинотеатров, театров, «академичных» концертных залов?

Конечно, можно замкнуться в своем кругу, через расширенную сеть кино клубов воспитывать «себе подобных». Даже в «пробирке» уже выводят нужный вид потомства. Но мне не хочется больше делать элитарных, высокомерно-серьезных, скучно-психологических фильмов. Возможно, это временно. Может быть, навсегда.

Тоскливо двигаться по накатанному пути нудноватого нравоучительства. В «киношке» вдруг захотелось радостной простоты старинных движущихся картинок, «Латерна магии». Я спрашивал у Бориса Гребенщикова, автора песен в «АССЕ»: будь он режиссером, какой фильм хотел бы сделать? «Что-нибудь типа вестерна, — ответил Гребенщиков, — чтобы по вагонам поезда кто-то бежал, и ружье с оптическим прицелом». Это не знак преимущественной любви к жанру, это знак кризиса взаимоотношений с сегодняшним умничающим экраном.

Я поразился атмосфере рок-концертов. Публика приходит туда не столько послушать музыку, сколько прожить вместе с артистами часть жизни. Это общение. Они — вместе.

Для съемок финальной сцены «АССЫ» мы нашли хорошую натуру — один из Зеленых театров в Москве, где и должен был петь Виктор Цой в окружении зрителей, освещающих ночь множеством огоньков зажженных спичек. Прикинули, чтобы заполнить площадку, нужно примерно 10 тысяч статистов. Финансы, отпущенные для картины, на исходе, а такая массовка обойдется в копеечку. Сроки подгоняют. Тут Цой предлагает: «Надо людям сказать — все придут». Я не понял: «Что, дать рекламу? Кто — ВСЕ?» — «Зачем реклама? Два-три телефонных звонка, дальше само сделается, — отвечает Цой. — К вечеру соберутся». И действительно, в сумерки собралось не 10, а 20 тысяч зрителей. И обязательных, по мнению многих организаторов молодежных мероприятий, рядов милиции не потребовалось. Вот у певца порвалась гитарная струна. Он объясняет этой «неуправляемой молодежной массе»: «Подождите, ребята, струна важная — надо сменить». И воцаряется вполне «филармоническая» уважительная тишина. Длится пять, десять минут. И вдруг с задних рядов раздается крик: «Цой, мы тебя любим!», «Мы любим тебя!». Ну, скажите, любит ли кто-нибудь ВОТ ТАК сегодняшнее наше кино? В крайнем случае — respectfully, «академично» уважают и снисходят до интеллектуального сожительства.

Я сознательно намешал в «АССЕ» много жанров: тут и детектив, и мюзикл, и психологическая драма, и социальная, и мелодрама... По каждой составляющей в отдельности фильм, наверное, не выдерживает критики. (Глупейшее, кстати, выражение — «выдерживать критику».) Хотелось выйти на некую принци-

ально внежанровую форму, другую коммуникативную систему найти — свою «коммуникативную трубу» — пусть она кому-то и кажется простым картонным рупором.

Для меня «АССА» — и эксперимент на контакт. Прежде всего — с молодежью. Я хотел, чтобы фильм им нравился. Чтобы он читался как рок-баллада.

«АССА» росла сама по себе, будто некий экзотический баобаб с еловыми шишками. Может быть, это романтический рок-кич. Без тени глубокомыслия и основательной логичности фильм стремится обнаружить другие связи, другие контакты. Можно «АССУ» рассматривать и так: рыночный коврик с лебедями и всей подобной атрибутикой. Но смешно, когда коврик оценивают по законам живописи Рембрандта. В таком случае гребенщикова строка «хочу я всех мочалок застобать» должна бы звучать — «хочу я всех девушек веселого нрава поставить в неловкое положение». Природа текста разная, в этом все дело.

Бессмысленно рок-песням противопоставлять, например, литературную основательность глубоко любимой мною прозы Астафьева или Белова. Лично я не понимаю, отчего некоторые писатели так яростно борются против рока. Им бы с рокерами публично брататься. Каждый из них самостоятельно и внепояснично разрабатывает собственную, самобытную эстетическую систему, целый эстетический мир, в основе которого лежит общее решительное неприятие конформизма. А когда говорит не только заданная публицистическая концепция, но сам своеобразный язык, самодвижение и саморазвитие образов, тогда возвращаются и понятия в своем первозданном,

ИЖ

одохновенном, действительно осмысленном виде.

Кстати, восхитительный рыночный коврик с теми самыми лебедями я однажды купил у одного художника, инвалида Великой Отечественной войны, на рынке в Вышнем Волочке. Там изображены озеро, заходящее солнце и два цыгана: один плывет на лодке, другой ждет на берегу, держа под уздцы лошадь и обнимая прекрасную девушку. И понятно, что сейчас они умчатся куда-то и будет невозможно возвышенная любовь.

Впрочем, сам художник на деталях сюжета не настаивал. Он готов был по желанию заказчика что-то менять. В случае с «АССОЙ» я его понимаю. Тут не сюжет важен, а видение мира.

Для меня картина действительно оказалась чем-то не столько простым, сколько доходчиво-внятным. Однако следует признать, что далеко не до всех зрителей дошел киноголос Соловьева и К*.

Разрушая стереотипы, необходимо время от времени менять лексику искусства, чтобы оригинальность формы помогала заново осознавать вечные истины человеческого бытия. Печалит то, что новые формы рискуют остаться непонятными, покуда сами не выродятся в стереотип.

Наш разговор с Соловьевым прерывает телефонный звонок. Режиссер: «Спасибо, что позвонили... Нет, это не я говорю, это говорит герой картины... Что значит «АССА»? Ничего не значит. Герой придумал это слово... Ответ не устраивает? Ну, тогда аббревиатура: Автор — Соловьев Сергей Александрович. Устраивает?.. Нет, я ни в коей мере не беру на себя исповедоваться от лица молодежи. Но невозможно у нас пока стать режиссером в 20 лет, чтобы самому рассказать о сверстниках. Мне 43 года, и я только недавно вышел из категории «молодых постановщиков»... Я поддельваюсь под молодежь? Неясно слово «поддельваюсь». Я действительно уважаю мнения многих из них, мне интересен их художественный мир. Ведь это их поведение, это их творчество — явная реакция на то, что вытворяют старшие. Что ж нам, теперь опять порознь разбираться в общих проблемах?»

ЭКСКУРСИЯ
НА МАТЕРИК

Наверное, арт-рок-парад, задуманный для премьеры «АССЫ» — с выставкой живописи, выступлениями рок-групп, демонстрацией «прикида на полезавтра» моднейших моделей одежды, — действительно был необходим не только в рекламных целях. Он помог бы освоиться на неведомом для многих материке — молодежном.

Однако фильм дает возможность и расширить состав аудитории. Кто-то, привлеченный обещанием детектива или любовной истории, заглянет в кино-

театр и на просмотре «АССЫ» впервые попадет в атмосферу рок-концерта. Поклонники рока заставят новичка недоуменно спрашивать у соседа, почему аплодируют каждой едва начавшейся песне? А на вопрос «Кто такой Борис Гребенщиков?» новобранец получит укоризненное разъяснение в титрах: «Русский советский поэт, композитор, артист, дата рождения и (о мобильность кинематографии!) нет даты смерти». В такой смешанной аудитории вечные оппоненты могут реально встретиться. Впрочем, по окончании фильма трудно ждать гармонии всеобщего взаимопонимания.

Судите сами, достоин ли воспевания хилак Бананан (Сергей Бугаев по прозвищу АФРИКА), отстаивающий, кажется, единственное, весьма сомнительной необходимости, право носить в ухе серьгу? На дискуссиях обнаруживается любопытный эффект картины: притворяясь наивной, она тем не менее возбуждает активное сотворчество. Каждый слово сочиняет свою «АССУ», домысливая экранные образцы, насыщая их собственными наблюдениями из жизни. Вот некоторые мнения, высказанные на обсуждении после общественного просмотра «АССЫ» в московском Доме кино.

Психолог, 22 года:

— Фильм очень польстил всевозможным металлистам и панкам. Такого врага, как убийца-супермен Крымов, они мечтают иметь. А конфликтовать чаще приходится со школьной учительницей, которая запретила носить серьгу, или с бабушкой, которая не пустила вечером погулять. Иногда им и вовсе никто ничего не запрещает. Тогда праздником становится скандал с родителями или что в милицию забрали, — появляется конкретная возможность протестовать и митинговать.

Впрочем, «неформалы» в фильме представлены очень идеализированно. Они здесь — цельные, абсолютно чистые натуры. В них реальных больше надлома, духовной путаницы и бесконечной усталости. А фильм показывает молодежь, будто экзотических зверей в зоопарке.

В картине правильно подмечена пассивность молодых. Они робкие.

Но мало реалий, из которых вырастают герои: только эпизод, когда милиционер сам подкупает хулигана, чтобы тот избил рокера за появление на улице со злосчастной серьгой в ухе, да сцена с директрисой ресторана, зачитывающей глупейшие правила для оркестрантов. Это почти документальные случаи. Однако что-то подобное мы уже в кино видели. Хотелось бы больше новых фактов...

СОЛОВЬЕВ:

— Меня больше всего восхищает, что в условиях нашей недавней реальности ребята сумели сохранить праздничность чувств. В этом — суть, способ сопротивления. В этом и социальный подвиг: в трудные времена не опрокинуться в упадничество, а, как бы пародируя окружающую действительность, сотворить новые эстетические ценности.

Поэтому я делал фильм одновременно и о трагедии наших взаимоотношений прошедших лет, взрослых и молодежи (кто — мы? кто — они? все — мы!) и в то же время сохранив странное, почти нелепое здесь ощущение какого-то «праздника эпохи застоя», когда сама действительность оборачивается занятным сомнамбулическим приключением — наивные и страшные авантюры, стреляют, режут. В соотношении идеального и реального в «АССЕ» хотелось постигнуть ту меру сказочности, о которой АФРИКА однажды заметил, что «наимоднейшая», «новаторская» концепция фильма — глядя на Бананана, вспомнить Незнайку и Бурадино...

«Слоеный пирог» «АССЫ» для каждого обнаруживает свой смысловой уровень. Однако, в отличие от «серьезных» картин, где ставка делается на интеллектуальную подготовленность

зрителя, здесь можно захотеть или не захотеть понять фильм — все зависит от жизненной позиции.

Можно ведь рассуждать и так: ну, встретились два полупреступных элемента — рокер и ворюга — и прикончили друг друга. К нам-то какое это отношение имеет? Ладно, мы признаем, что серьга в ухе пацана — не преступление. Однако, согласитесь, не получается новый Карабас-Барабас из такого миляги, как Крымов.

МАСКА,
Я ТЕБЯ ЗНАЮ!

В пылу полемики актер Станислав Говорухин (он играет Крымова) порой увлекается, входит в роль и начинает защищать своего героя почти от первого лица:

— Крымов — талантливый предприниматель, организатор. Он сам — жертва. Его способности не смогли реализоваться в застойном государстве, вот он и скатился до махинаций. Был поэтом, стал вором, он жертва обстоятельств. Таких людей множество, некоторых я лично знаю... А кого Крымов убивает? Бананана? Так я говорил режиссеру, что без этого в картине можно и обойтись. Стоит ли связываться со слабосильным мальчишкой?.. А то, что живет Крымов с молоденькой содержанкой, так он действительно любит ее...

Подхватив тон высказываний Говорухина, но переменив направление удара, артисту возражает пожилая зрительница:

— Вы видите, они (жест в сторону Крымова — Говорухина) даже не замечают, когда убивают и калечат. Нам, спасибо, «Спрута» показали, а у нас-то самих что творится! Эти мерзавцы растлевают души детей, души людей, у которых отняли все, включая любимых девушек. Когда мои дочка были младше, я вместе с ними ходила на «сейшенá», боялась, что с ними там что-нибудь случится. Вместе сидели во время домашних концертов на полу где-нибудь в полуподвале или в мансарде. И я слышала, с какой болью ребята поют о жизни, о невозможности совладать с такими вот негодьями. Прекрасные песни, где важна не только музыка, но и слова. Эту боль может не понять только камень. Рок-музыканты — самые достойные люди на свете, им надо предоставить хорошие концертные площадки, услышать их — в этом наша гласность, доброта, совесть и честь! А то, глядишь, вылезут «герои», как Крымов, и станут утверждать, будто они неогонимые гении.

СОЛОВЬЕВ:

— Меня впервые изумила подобная реакция на фильм во время просмотра «АССЫ» в ленинградском Дворце молодежи, где, как объяснил АФРИКА, собирается самая «крутая тусовка». Когда на экране был убит Крымов, зал встал и приветствовал это событие аплодисментами. Для меня самого многое открыл фильм. Я понял, что обязан выбрать: на чьей я стороне.

Речь здесь не о противопоставлении богатства Крымова и неустойчивости Бананана, а о нравственных позициях сторон: «мафии» и индивидуальности. В сталинскую эпоху, скажем, сформировалась и успешно действовала государственная политическая «мафия». Потом «мафия» распространилась и на экономику. Цель та же — властвовать над людьми, чтобы народ обеспечивал кому-то «элитарную» жизнь. И Крымов — человек, мораль которого прежде всего предполагает разделение общества на «хозяев» и быдло. Для того, чтобы встать на подобную позицию, надо абсолютно вытравить в себе нравственность.

Все же множество людей удерживает в себе представление о нормальной нравственности.

Что касается сочувствия зрителей

Крымову, то оно действительно симптоматично. Нравится преуспевающий герой, и мы уже готовы извинить его безнравственность, назвать ее новой нравственностью. Прошлые десятилетия все мы жили в мире Крымовых, способствовали тому, чтобы этот мир существовал, хотя бы пассивно — умолчанием. Это во всех нас проникло. Наша мораль превратилась в самую мещанскую и мелкобуржуазную.

Не менее симптоматично и то, что сегодня мы, видите ли, не хотим узнавать в себе Крымова-преступника, открещиваемся от него. Почему? Очень романтически относимся к себе. Наша мелкобуржуазность тесно сжилась с демагогией...

Вопрос зрителя (о Викторе Цое):

— Ну, и чего хочет этот ваш психопат, комсомольский секретарь XXI века? На Западе рок-музыканты тоже поют: разрушим, переменим — там это чисто коммерческая игра, дающая выход излишней энергии молодых слушателей. А тут что?..

Хочу присоединиться к вопросу зрителя. Возможно, молодые только и добиваются передела мест «под солнцем». Вырвись они в преуспевающие рок-звезды, займи начальственные посты, смогут ли они сохранить те нравственные принципы, о которых поют?

СОЛОВЬЕВ:

— Вы что это — серьезно? Если творчество ребят станет коммерчески прибыльным — это хорошо, это совсем другие цели коммерции. Они никогда не сделают коммерцию рычагом для унижения других людей, а только средством личной свободы. Причем, если для Крымовых личная свобода тождественна унижению окружающих, только так и познается, то ребята развивают противоположные качества — духовный мир самодостаточный и щедрый, а потому не нуждающийся в утверждении себя через унижение другого.

Заметьте, рок-музыканты вовсе не предлагают уничтожить в угоду их эстетике какое-либо иное направление в искусстве. А вот их противники беспрерывно норовят «запретить» рок.

Я уверен, что талантливым рок-художникам не грозит духовное перерождение от того, что они начнут нормально зарабатывать. Они всегда противопоставляли не свое «гордое нищенство», а свое чувство собственного человеческого достоинства.

В этом они — поколение непобедимое. Их можно мучить, можно было даже убить, но ни на какие конформистские уступки они не пойдут, не дадут себя ни подкупить, ни обмануть.

А главное, они «зубастые». Нынешнее поколение вынуждено было научиться жестокости, оно приобрело уличный оскал, не ласкающий глаз и не нежащий душу, но в основе этой неуживчивости — истинная нравственность.

Очень хочется разделить веру режиссера в молодое поколение. Может быть, не буквально во всех его конкретных представителях, а в те идеи, которые они принесли в своих песнях. Как бы сделать так, чтобы хорошие идеи да еще и — в жизнь?

Ту самую, что бурлит за стенами кинотеатра, где показывают «АССУ». Ту, что настаивает сегодня появлением знакомой напманской пены, сопровождающей распространение всеобщей инициативы и предприимчивости. Мало ли здесь тех, кто торопится лишь «урвать, пока перестройка не кончилась», откровенно глумясь над неразборчивостью оголодавших потребителей? И не окажутся ли тут вновь «на коне» Крымовы, чьи щупальца спрута, кажется, уже нацелились на новые «сферы» изменившейся жизни?

Сражение Крымовых с Банананами продолжается!

«Карл,— бормотал он, шатаясь,— Карл, вернись!..» Он повторил эти слова несколько раз, а потом в отчаянии громко выкрикнул их, но никто его не услышал, потому что в то же мгновение раздался гораздо более громкий крик, жалкий и дикий, откровенный плач боли, так, что зазвенело в ушах, так, что слезы навернулись на глаза, и почему-то он сразу понял, что кричат именно в этом длинном строении, может быть, потому, что больше кричать было негде. «Где Нава? — закричал он.— Девочка моя, где ты?» Он понял, что сейчас потеряет ее, что настала эта минута, что сейчас потеряет все близкое ему, все, что привязывает его к жизни, и он останется один. Он повернулся, чтобы броситься обратно в дом, и увидел Наву, которая, откинув голову, медленно падала навзничь, и он подхватил ее и поднял, не понимая, что с ней происходит, и ощущая страшное желание узнать, что же с ней происходит. Голова ее была откинута, и ее открытое горло было перед его глазами, то место, где у всех людей ямочка между ключицами, а у Навы было две таких ямочки, и он больше никогда их не увидит. Ведь плач не прекратился, и он понимал, что ему нужно туда, где кричат. Он-то знал, что это настоящий подвиг, ведь он сам отнесет ее туда, но он знал также, что для них это никакой не подвиг, а совершенно естественная, нормальная процедура, потому что они не понимали, что это значит — держать на руках дочь, теплую и единственную, и самому нести ее туда, где плечут.

Крик оборвался. Кандид увидел, что стоит уже перед самым строением среди этих людей, перед квадратной черной дверью, и он попытался понять, что он здесь делает с Навой на руках, но не успел, потому что из черной квадратной двери вышли две женщины и с ними Карл, все трое нахмуренные и недовольные, и остановились, разговаривая. Он видел, как шевелятся их губы, и догадывался, что они спорят, что они раздражены, но он не понимал слов, только раз он уловил полузнакомое слово «хиазма». Потом одна из женщин, не прекращая разговора, повернулась к толпе и сделала жест, словно пригласив всех войти в строение. Кандид сказал: «Сейчас, сейчас...» — и еще крепче прижал к себе Наву. Снова раздался громкий плач, все вокруг зашевелилось, жирные люди стали обнимать друг друга, прижиматься друг к другу, гладить и ласкать друг друга, глаза их были сухи и губы плотно сжаты, но это они плакали и кричали, прощаясь, потому что, оказывается, это были мужчины и женщины, и мужчины прощались с женщинами навсегда. Никто не решался пойти первым, и тогда первым пошел Кандид, потому что он был мужественный человек, потому что он знал, что такое «надо», потому что он знал, что все равно ничто не поможет. Но Карл взглянул на него и едва заметно мотнул головой в сторону, и ему стало невыносимо жутко, потому что это был все-таки не Карл, но он понял и попытался, толкая спиной мягкое и скользкое. И когда Карл снова мотнул головой, он повернулся, вскинул Наву на плечо и по пустой освещенной улице, как во сне, побежал на мягких, подгибающихся ногах, только не слыша за собой топота преследователей.

Он опомнился, ударившись о дерево. Нава вскрикнула, он опустил ее на землю. Под ногами была трава. Отсюда была видна вся деревня. Над деревней лиловым светящимся конусом стоял туман, и дома казались размытыми, и размытыми казались фигурки людей.

— Что-то я ничего не помню,— проговорила Нава.— Почему это мы здесь? Мы ведь уже спать легли. Или это мне все снится?

Кандид поднял ее и понес дальше, дальше, дальше, продираясь сквозь кусты, путаясь в траве, пока вокруг не стало совсем темно. Тогда он прошел еще немного, снова опустил Наву на землю и сел рядом. Вокруг была высокая теплая трава, сырости совсем не чувствовалось, никогда еще в лесу Кандиду не попадалось такое сухое благодатное место. Голова у него болела, и все время клонило в сон, не хотелось ни о чем думать, было только чувство огромного облегчения оттого, что он собирался сделать что-то ужасное и не сделал.

— Молчун,— сказала Нава сонным голосом,— ты знаешь, Молчун, я все-таки вспомнила, где я слышала раньше такую речь. Это ты сам так говорил, Молчун, когда еще был без памяти. Слушай, Молчун, а может быть, ты из этой деревни родом? Ты ведь очень большой был тогда, Молчун, совсем без памяти...

— Спи,— сказал Кандид. Ему не хотелось думать. Ни о чем не хотелось думать. Хиазма, вспомнил он. И сразу заснул. Не совсем сразу. Он еще вспомнил, что это не Карл пропал без вести; без вести пропал Валентин, и отдавали в приказе Валентина, а Карл погиб в лесу, и тело его, найденное случайно, положили в свинцовый гроб и отправили на материк. Но он подумал, что это ему снится.



Когда он открыл глаза, Нава еще спала. Она лежала на животе в углублении между двумя корнями, уткнувшись лицом в стиб левой руки, а правую откинув в сторону, и Кандид увидел в ее грязном полураскрытом кулаке тонкий блестящий предмет. Сначала он не понял, что это такое, и только вдруг вспомнил странный полусон этой ночи и свой страх, и свое облегчение оттого, что не произошло чего-то ужасного. А потом до него дошло, что это за предмет, и даже название его неожиданно всплыло в памяти. Это был скальпель. Он подождал немного, проверяя соответствие формы предмета звучанию этого слова, созная вторым планом, что проверять здесь нечего, что все правильно, но совершенно невозможно, потому что скальпель со своей формой и своим названием чудовищно не соответствовал этому миру. Он разбудил Наву.

Нава проснулась, села и сейчас же заговорила: — Какое сухое место, никогда в жизни не думала, что бывают такие сухие места, и как здесь только трава растет, а, Молчун?.. — Она замолчала и поднесла к глазам кулак со скальпелем. Секунду она глядела на скальпель, потом взвизгнула, судорожно отбросила его и вскочила на ноги. Скальпель вонзился в траву и встал торчком. Они смотрели на него, и обоим было страшно.— Что это такое, Молчун? — сказала, наконец, Нава шепотом.— Какая страшная вещь... Или это, может быть, не вещь? Это, может быть, растение? Смотри, здесь все такое сухое — может быть, оно здесь выросло?

— А почему страшная? — спросил Кандид. — Еще бы не страшная,— сказала Нава.— Ты возьми его в руки... Ты попробуй, попробуй возьми, тогда и будешь знать, почему страшная... Я сама не знаю, почему страшная...

Кандид взял скальпель. Скальпель был еще теплым, а острый кончик его холодил, и осторожно ведя по скальпелю пальцем, можно было найти то место, где он перестает быть теплым и становится холодным.

— Где ты его взяла? — спросил Кандид.

— Да нигде я его не брала,— сказала Нава.— Он, наверное, сам залез ко мне в руку, пока я спала. Видишь, какой он холодный? Он, наверное, захотел согреться и залез ко мне в руку. Я никогда не видела таких... такого... я даже не знаю, как это назвать. Наверное, это все-таки не растение, наверное, это такая тварь, может быть, у него и ножки есть, только он их спрятал, и он такой твердый и злобный... А может быть, мы еще спим с тобой, Молчун? — Она вдруг запнулась и посмотрела на Кандида.— А мы в деревне сегодня ночью были? Ведь были же, там еще человек был без лица, и он все думал, что я мальчик... А мы искали, где поспать. Да, а потом я проснулась, тебя не было, и я стала шарить рукой... Вот где он залез мне в кулак! — сказала она.— Только вот что удивительно, Молчун, я совсем тогда его не боялась. даже наоборот... Он мне даже был для чего-то нужен...

— Все это был сон,— решительно сказал Кандид. У него мурашки бежали по затылку. Он вспомнил все, что было ночью. И Карла. И как он незаметно мотнул головой: беги, пока цел. И то, что живой Карл был хирургом.

— Что это ты замолчал, Молчун? — с беспокойством спросила Нава, заглядывая ему в лицо.— Куда это ты смотришь?

Кандид отстранил ее.

— Это был сон,— строго повторил он.— Забудь. Поищи лучше какой-нибудь еды, а эту штуку я закопаю.

— А для чего он был мне нужен, ты не знаешь? — спросила Нава.— Что-то я должна была сделать... — Она помотала головой.— Я не люблю таких снов, Молчун,— сказала она.— Ничего не вспомнить. Ты его поглубже закопай, а то он выберется и снова заползет в деревню и кого-нибудь там напугает... Хорошо бы сверху камень на него положить потяжелее... Ну, ты закапывай, а я пойду искать еду.— Она потянула носом воздух.— Где-то тут поблизости есть ягоды. Удивительно, откуда в таком сухом месте ягоды?

Она легко и бесшумно побежала по траве и скоро пропала за деревьями, и Кандид остался сидеть, держа на ладони скальпель. Он не стал его закапывать. Он обмотал лезвие пучком травы и сунул скальпель за пазуху. Теперь он вспомнил все и тем не менее ничего не мог понять. Это был какой-то странный и страшный сон, из которого по чьему-то недосмотру вывалился скальпель. Жалко, подумал он, сегодня голова у меня на редкость ясная, и все-таки я ничего не могу понять. Значит, никогда не смогу.

Нава быстро вернулась и выгребла из-за пазухи целую грудку ягод и несколько крупных грибов.

— Там есть тропа, Молчун,— сказала она.— Давай мы с тобой лучше не будем возвращаться в ту деревню, зачем она нам, ну ее... а пойдем мы с тобой по тропе, обязательно куда-нибудь да придем. Спросим там дорогу до Выселок, и все будет хорошо. Просто удивительно, как мне сейчас хочется попасть на эти Выселки, никогда раньше так не хотелось. А в эту лукавую деревню давай мы не будем возвращаться, мне там сразу не понравилось, правильно, что мы оттуда ушли, а то бы обязательно какая-нибудь беда случилась. Если хочешь знать, нам туда и приходиться не надо было, тебе же воры кричали, что не ходи, пропадешь, да ты ведь никогда никого не слушаешься. Вот мы из-за тебя чуть в беду и не попали... Что же ты не ешь? Грибы сытные, ягоды вкусные, ты их разотри на ладони, сделай крошенку, что ты как маленький сегодня? Я теперь вспоминаю, мама мне всегда говорила, что самые хорошие грибы растут там, где сухо, но я тогда не понимала, что это такое — сухо, мама говорила, что раньше много где было сухо, как на хорошей дороге, поэтому она понимала, а я — нет.

Кандид попробовал гриб и съел его. Грибы действительно были хороши, и ягоды были хороши, и он почувствовал себя бодрее. Но он еще не знал, как теперь поступить. В деревню возвращаться ему тоже не хотелось. Он попытался представить себе местность, как объяснял и рисовал ему прутником на земле Колченог, и вспомнил, что Колченог говорил о дороге в Город, которая должна проходить в этих самых местах. Очень хорошая дорога, говорил Колченог с сожалением, самая прямая дорога до Города, только не добраться нам до нее через трясины-то, вот беда... Врал. Врал хромой. И по трясине ходил, и в Городе, наверное, был, но почему-то врал. А может, Наваина тропа и есть та прямая дорога? Надо рискнуть. Но сначала нужно все-таки вернуться. В эту деревню нужно все-таки вернуться...

— Придется все-таки вернуться, Нава,— сказал он, когда они поели.

УЛИЦКА
НА СКЛОНЕ
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

— Куда вернуться? В ту лукавую деревню вернуться? — Нава расстроилась. — Ну зачем ты мне это говоришь, Молчун? Чего мы в той деревне еще не видели? Вот за что я тебя не люблю, Молчун, так это, что с тобой никогда не договоришься по-человечески... И ведь решили уже, что возвращаться в ту деревню больше не станем, и тропу я тебе нашла, а теперь ты опять заводешь разговор, чтобы вернуться...

— Придется вернуться, — повторил он. — Мне самому не хочется, Нава, но сходить туда надо. Вдруг нам объяснят там, как отсюда побыстрее попасть в Город?..

— Почему в Город? Я не хочу в Город, я хочу на Выселки!

— Пойдем уж прямо в Город, — сказал Кандид. — Не могу я больше.

— Ну хорошо, — сказала Нава. — Хорошо, пойдем в Город, это даже лучше, чего мы не видели на этих Выселках? Пойдем в Город, я согласна, а с тобой везде согласна, только давай не возвращаться в ту деревню... Ты как хочешь, Молчун, а я бы в ту деревню никогда бы не возвращалась...

— Я бы тоже, — сказал он. — Но придется. Ты не сердись, Нава, ведь мне самому не хочется...

— А раз не хочется, так зачем ходить?

Он не хотел да и не мог ей объяснить — зачем. Он поднялся и, не оглядываясь, пошел в ту сторону, где должна была быть деревня — по теплой сухой траве, мимо теллых сухих стволов, жмурясь от теплого солнца, которого непривычно много было здесь, навстречу пережитому ужасу, от которого больно напрягались все мускулы, навстречу тихой и странной надежде, которая пробивалась сквозь ужас, как травинка сквозь трещину в асфальте.

Нава догнала его и пошла рядом. Она была сердита и некоторое время даже молчала, но в конце концов не выдержала.

— Только ты не думай, — заявила она, — я с этими людьми разговаривать не буду, ты теперь с ними сам разговаривай, сам туда идешь, сам и разговаривай. А я не люблю иметь дело с человеком, если у него даже лица нет, я этого не люблю. От такого человека хорошего не жди, если он мальчика от девочки отличить не может... У меня вот с утра голова болит, и я теперь знаю, почему.

Они вышли на деревню неожиданно. Видимо, Кандид взял слишком в сторону, и деревня открылась между деревьями справа от них. Все здесь изменилось, но Кандид не сразу понял, в чем дело. Потом понял: деревня тонула.

Треугольная поляна была залита черной водой, и вода прибывала на глазах, наполняя глиняную впадину, затопляя дома, бесшумно крутясь на улицах. Кандид беспомощно стоял и смотрел, как исчезают под водой окна, как оседают и разливаются размокшие стены, проваливаются крыши, и никто не выбегал из домов, никто не пытался добраться до берега, ни один человек не показывался на поверхности воды, может быть, людей там и не было, может быть, они ушли этой ночью, но он чувствовал, что это не так просто. Это не деревня, подумалось ему, это макет, он стоял, всеми забытый и забывшийся, а потом кому-то стало любопытно, что будет, если залить это водой. Вдруг станет интересно?... И залили. Но интересно не стало...

Плавню прогнувшись, бесшумно канула в воду крыша плоского строения. Над черной водой пронесся словно легкий вздох, по ровной поверхности побежали волны, и все кончилось. Перед Кандидом было обычное треугольное озеро, пока еще довольно мелкое и безжизненное. Потом оно станет глубоким, как пропасть, и в нем заведутся рыбы, которых мы будем ловить, препарировать и класть в формалин.

— Я знаю, как это называется, — сказала Нава. У нее был такой спокойный голос, что Кандид посмотрел на нее. Она и в самом деле была совершенно спокойна и даже, кажется, довольна. — Это называется Одержание, — сказала она. — Вот почему у них не было лица, а я сразу и не поняла. Наверное, они хотели жить в озере. Мне рассказывали, что те, кто жил в домах, могут остаться и жить в озере, теперь тут всегда будет озеро, а кто не хочет, тот уходит. Я бы вот, например, ушла, хотя это, может быть, даже лучше — жить в озере. Но этого никто не знает... Может быть, искупаемся? — предложила она.

— Нет, — сказал Кандид. — Я не хочу здесь купаться. Пойдем на твою тропу. Идем.

Мне бы только выбраться отсюда, думал он, а то я как та машина в лабиринте... Мы все стояли вокруг и смеялись, как она деловито тычется, ищет, принохивается... а потом в маленький бассейн на ее дороге наливали воду, и она трогательно терялась, но только на мгновение, и снова начинала деловито шевелить антеннами, жужжать и принохиваться, и она не знала, что мы на нее смотрим, а нам было, в общем, наплевать на то, что она не знает, хотя именно это, наверное, страшнее всего. Если это вообще страшно, подумал он. Необходимость не может быть ни страшной, ни доброй. Необходимость необходима, а все остальное о ней придумываем мы — и машинки в лабиринтах, если они могут придумывать. Просто когда мы ошибаемся, необходимость берет нас за горло, и мы начинаем плакать и жаловаться, какая она жестокая да страшная, а она просто такая, какая она есть — это мы глупы или слепы. Я даже могу философствовать сегодня, подумал он. Наверное, это от сухости. Надо же, даже философствовать могу...

— Вот она, твоя тропка, — сердито сказала Нава. — Иди, пожалуйста.

Сердится, подумал он. Выкупаться не дал, молчу все время, вокруг сухо, неприятно... Ничего, пусть посердится. Пока сердится, молчит, и на том спасибо. Кто ходит по этим тропкам? Неужели по ним ходят так часто, что они не зарастают? Страшная какая-то тропка, словно она не протоптана, а выкопана...

Тропа вначале шла по удобному сухим местам, но спустя некоторое время она круто спустилась со склона холма и стала топкой полоской черной грязи. Чистый лес кончился, опять потянулись болота, заросли мха, сделалось сыро и душно. Нава немедленно ожила. Здесь она чувствовала себя гораздо лучше. Она уже непрерывно говорила, и скоро в голове Кандида возник и установился привычный звенящий шум, и он двигался словно в полусне, забыв обо всякой философии, почти забыв даже о том, куда он идет, отдавшись случайным бессвязным мыслям и скорее даже не мыслям, а представлениям.

...Ковыляет по главной улице Колченог и говорит всем встречным (а если встречных нет, то просто так), что вот ушел, значит, Молчун и Наву с собой забрал, в Город, наверное, ушел, а Города никакого и нет. А может, и не в Город, может, в Тростники ушел, в Тростниках хорошо рыбу подманивать, сунул пальцы в воду — и вот она, рыба. Да только, если подумать, зачем ему рыба, не ест Молчун рыбу, дурак, хотя, может, решил для Навы рыбки наловить, Нава рыбу ест, вот он ее и будет кормить рыбой... Но вот зачем он тогда все время про Город спрашивал? Не-ет, не в Тростники он пошел, и нужно ожидать, что не скоро вернется...

А навстречу ему по главной улице идет Кулак и говорит всем встречным, что вот Молчун все ходил, уговаривал, пойдем, говорил, в Город, Кулак, послезавтра пойдем, целый год звал послезавтра в Город идти, а когда я еды наготовил невпроворот, что старуха ругается, тогда он без меня и без еды ушел... Один вот тоже, шерсть на носу, уходил-уходил без еды, дали ему в лоб как следует, так больше не уходит, и с едой не уходит, и без еды боится, дома сидит, так ему дали...

А Хвост стоит рядом с завтракающим у него дома старцем и говорит ему: опять ты ешь, и опять ты чужое ешь. Ты не думай, говорит, мне не жалко, я только удивляюсь, как это в одного такого тощего старика столько горшков самой сытной еды помещается. Ты ешь, говорит, но ты мне скажи, может быть, ты все-таки не один у нас в деревне? Может быть, вас все-таки трое или хотя бы двое? Ведь на тебя смотреть жутко, как ты ешь, ешь, наешься, а потом объясняешь, что нельзя...

Нава шла рядом, держась обеими руками за его руку, и с азартом рассказывала:

— И еще жил в этой деревне один мужчина, которого звали Обида-Мученик, ты его не можешь помнить, ты тогда как раз без памяти был. А этот Обида-Мученик всегда на все обижался и спрашивал: почему? Почему днем светло, а ночью темно? Почему жуки

хмельные бывают, а муравьи нет? Почему мертвяки женщинами интересуются, а мужчины им не нужны? У него мертвяки двух жен украли, одну за другой. Первую еще до меня украли, а вторую уже при мне, так он все ходил и спрашивал, почему, спрашивал, они его не украли, а украли жену... Начерно целыми днями и ночами по лесу ходил, чтобы его тоже угнали и он бы своих жен нашел, хотя бы одну, но его, конечно, так и не угнали, потому что мертвякам мужчины ни к чему, им женщины нужны, так уж у них заведено, и из-за какого-то Обиды-Мученика они порядков своих менять не подумали... Еще он все спрашивал, почему нужно на поле работать, когда в лесу и без того еды вдвойне — поливай бродилом и ешь. Староста ему говорит: не хочешь — не работай, никто тебя за руку не тянет... а тот знай все твердит: почему да почему... Или к Кулаку пристал. Почему, говорит, Верхняя деревня грибами заросла, а наша никак не зарастает? Кулак ему сначала спокойно объясняет: у Верхних Одержание произошло, а у нас еще нет, и весь вопрос. А тот спрашивает, а почему же у нас Одержание не происходит так долго? Да что тебе это Одержание, спрашивает Кулак, что ты без него соскучился? Не отстань Обида-Мученик. Измотал он Кулака, закричал Кулак громко, на всю деревню, кулаками замахал и побежал к старосте жаловаться, староста тоже рассердился, собрал деревню, и погнались они за Обидой-Мучеником, чтобы его наказать, да так и не поймали... И к старику он тоже приставал много раз. Старик сначала к нему есть перестал ходить, потом стал от него прятаться и наконец не выдержал и говорит: отстань ты, говорит, от меня, у меня из-за тебя пища в рот не лезет, откуда я знаю — почему? Город знает, почему, и все. Пошел Обида-Мученик в Город и больше уже не возвращался...

Медленно проплывали справа и слева желто-зеленые пятна, глухо фукали созревшие дурман-грибы, разбрасывая вверху рыжие фонтаны спор, с воем налетела заблудившаяся лесная оса, старалась ударить в глаз, и пришлось сотню шагов бежать, чтобы отвязаться; шумно и хлопотливо, цепляясь за лианы, мастерили свои постройки разноцветные подводные пауки; деревья-прыгуны приседали и корчились, готовясь к прыжку, но, почувствовав людей, замирали, притворяясь обыкновенными деревьями, и не на чем было остановить взгляд, нечего было запоминать. И не над чем было думать, потому что думать о Карле, о прошлой ночи и затонувшей деревне означало бредить.

— ...Обида-Мученик был добрый человек, это они с Колченогом нашли тебя за Тростниками. Пошли в Муравейники, да как-то их занесло в Тростники, и нашли они там тебя и притащили, вернее, тащил тебя Обида-Мученик, а Колченог только сзади шел, да подобрал все, что из тебя вываливалось... Много чего подобрал, а потом, рассказывал, страшно ему стало, он все и выбросил. Такое, рассказывал, у нас никогда не росло и расти не может. А потом Обида-Мученик одежду твою с тебя снял, очень на тебе была странная одежда, никто не мог понять, где такое растет и как... так он эту одежду разрезал и рассадил, думал вырастет. Но ничего у него не выросло, не возшло даже, и опять он стал ходить по деревням и спрашивать: почему, если любую одежду взять, разрезать и рассадить, то она вырастет, а твоя, Молчун, даже и не вззошла... Он и к тебе много приставал, жить тебе не давал, но ты тогда без памяти был и только бормотал что-то, вроде как тот, без лица, и рукой заслонялся. Так он от тебя и отстал ни с чем. Потом еще многие мужики за Тростники ходили; и Кулак, и Хвост, и сам староста даже ходил, надеялись еще одного такого найти. Нет, не нашли. Тогда меня к тебе приставили. Выхаживай, говорят, как можешь, выходишь — будет тебе муж, а что он чужой — так ты тоже вроде чужая. Я ведь тоже чужая, Молчун. Как было дело: захватили нас с матерью мертвяки, а ночь была без луны...

Местность опять стала повышаться, но сырости не убавилось, хотя лес стал чище. Уже не видно было коряг, гнилых сучьев, завалов гниющих лиан. Пропала зелень, все вокруг сделалось желтым и оранжевым. Деревья стали стройнее, и болото стало какое-то необычное — розовое, без мха и без грязевых куч. Исчезла паутина зарослей, направо и налево стало видно далеко. И трава на обочинах стала мягче и сочнее, травинка к травинке, словно кто-то специально подобрал и высаживал.

Нава остановилась на полуслове, потянула носом воздух и деловито сказала, оглядываясь:

— Куда бы здесь спрятаться? Спрятаться-то, кажется, и некуда...

— Кто-нибудь идет? — спросил Кандид.

— Кого-то много, и я не знаю, кто это... Это не мертвяки, но лучше бы все-таки спрятаться. Можно, конечно, не прятаться, все равно они уже близко, да и спрятаться здесь нигде. Давай на обочину станем и посмотрим... — Она еще раз потянула носом. — Скверный какой-то запах, не то чтобы опасный, а лучше бы его не было... А ты, Молчун, неужели ничего не чувствуешь? Ведь так разит, будто от перепрелого бродило — стоит горшок у тебя перед носом, а в нем перепрелое бродило с плесенью... Вон они! Э, маленькие, не страшно, ты их сейчас прогонишь... Гу-гу-гу!



было ничего под рукой, ни травобоя, ни бродила, ни палки, ни камня. Тонкая теплая земля развезжалась под ногами. Потом он вспомнил и сунул руку за пазуху, и когда мертвяк навис над ним, он ударил его скальпелем куда-то между глазами, зажмурился и, навалившись всем телом, протянул лезвие сверху вниз до самой земли и снова упал.

Он лежал, прижимаясь щекой к траве, и глядел на мертвяка, а тот стоял, шатаясь, медленно распаиваясь, как чемодан, по всей длине оранжевого туловища, а потом оступился и рухнул навзничь, заливая все вокруг густой белой жидкостью, дернулся несколько раз и замер. Тогда Кандид поднялся и побрел прочь. По тропинке. Подальше отсюда. Он смутно помнил, что хотел кого-то здесь ждать, что-то хотел узнать, что-то собирался сделать. Но теперь все это было неважно. Важно было уйти подальше, хотя он сознавал, что куда-то уйти не удастся. Ни ему, ни многим, многим, многим другим.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРЕЦ

Перец проснулся от неудобства, от тоски, от невыносимой, как ему показалось сначала, нагрузки на сознание и все органы чувств. Ему было неудобно от боли, и он невольно застонал, медленно приходя в себя.

Нагрузка на сознание оказалась отчаянием и досадой, потому что машина не ехала на Материк, она снова не ехала на Материк и вообще куда не ехала. Она стояла с выключенным двигателем, мертвая и ледяная, с распахнутыми дверцами. Ветровое стекло было покрыто дрожащими каплями, которые сливались и текли холодными струйками. Ночь за стеклом озарялась ослепительными вспышками прожекторов и фар, и ничего не было видно, кроме этих непрерывных вспышек, от которых ломило глаза. И ничего не было слышно, и Перец даже подумал сначала, что оглох, и только затем сообразил, что на уши равномерно давит густой многоголосый рев сирен. Он заметался по кабине, больно ушибся о рычаги и выступы и о проклятый чемодан, попытался протереть стекло, высунулся в одну дверцу, высунулся в другую — он никак не мог понять, где он находится, что это за место и что все это означает. Война, подумал он, боже мой, это война!.. Прожектора со злым наслаждением били его по глазам, и он ничего не видел, кроме какого-то большого незнакомого здания, в котором равномерно вспыхивали и гасли все окна разом на всех этажах. И еще он видел огромное количество широких лиловых пятен.

Чудовищный голос вдруг произнес спокойно, будто в полной тишине: «Внимание, внимание. Всем сотрудникам стоять на местах по положению номер шестьсот семьдесят пять дробь Пегас омикрон триста два директива восемьсот тринадцать на торжественную встречу падишаха без специальной свиты размер обуви пятьдесят пять. Повторяю. Внимание, внимание. Всем сотрудникам...» Прожектора перестали метаться, и Перец различил, наконец, знакомую арку с надписью «Добро пожаловать» и главную улицу Управления, и темные коттеджи вдоль нее, и каких-то неодетых людей с керосиновыми лампами, стоящих около коттеджей, а затем увидел совсем недалеко цепь бегущих людей в черных развевающихся плащах. Эти люди бежали, занимая всю ширину улицы, растянув что-то странное, светлое, и, приглядевшись, Перец понял, что они тащат не то бредень, не то волейбольную сетку, и сейчас же сорванный голос завизжал у него над ухом: «Почему машина? Ты почему здесь стоишь?» И, отшатнувшись, он увидел рядом с собой инженера в белой картонной маске с надписью по лбу черным карандашом «Либидович», и этот инженер полез грязными сапогами прямо по нему, пихая его локтем в лицо, храпя и воняя потом, повалился на место водителя, пошарил ключ зажигания, не нашел, истерически взвизгнул и выкатился из кабины на противоположную сторону. На улице зажглись все фонари, стало светло как днем, а люди в белье все стояли с керосиновыми лампами у дверей коттеджей, и у каждого в руке был сачок для ловли бабочек, и они мерно размахивали этими сачками, словно отгоняя что-то невидимое от своих дверей. По улице навстречу и мимо прокатились одна за другой четыре мрачные черные машины, похожие на автобусы без окон, и на крышах у них вращались какие-то решетчатые лопасти, а потом из переулка вывернул вслед за ними старинный броневик. Ржавая башня его вращалась с пронзительным визгом, а тонкий ствол пулемета ходил вверх и вниз. Бронеавтомобиль с трудом протиснулся мимо грузовика, люк на его башне открылся, и высунувшийся человек в бязевой ночной рубашке с болтающимися тесемками недовольно прокричал Перцу: «Что же ты, голубчик? Проезжать надо, а ты стоишь!» Тогда Перец опустил голову на руки и закрыл глаза.

Людмила МОДИНА

ДАМЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

В тот вечер публика концертного зала московского отеля «Континенталь» таяла от весеннего томления, поддаваясь экзотическому порыву, исходящему со сцены. И только два человека в зале будто не слышали гортанных звуков песен, не восхищались летящей походкой танцоров грузинского фольклорного ансамбля «Тбилиси», хотя следили за сценой неотрывно. Когда, блистая улыбкой, вылетел на сцену в искрометном танце девятнадцатилетний Алик В., одна из зрительниц кивнула соседке: «Он!»

И это, на первый взгляд, совсем незначительное событие, определило на долгие годы судьбу многих людей, еще два дня назад и не предполагавших, что их жизнь уже связана в крепкий узел. В тот вечер, 23 мая 1986 года в «Континентале» по обвинению в групповом изнасиловании были арестованы пятеро молодых людей. Двое из них были солистами ансамбля «Тбилиси».

Писать о делах, связанных с половыми преступлениями, всегда непросто. Как найти меру откровенности, чтобы не оскорбить нравственность одних читателей и не возбудить низменные интересы других мрачными подробностями, неизбежно возникающими при рассмотрении подобных дел? Как, не преступая нравственной грани, вторгнуться в глубоко личные переживания участников дела — потерпевших, их родителей, людей, близких обвиняемым? Ведь и у тех, кто находится на скамье подсудимых, есть матери, жены, дети...

Почему же все-таки пытаемся мы осмыслить явления, как будто бы достаточно оцененные и общественной моралью, и правосудием? Казалось бы, устоявшиеся нормы достаточно ясны: вступление в интимные отношения с женщиной против ее воли, с применением физического или психического насилия, расценивается как преступление и влечет за собой уголовную ответственность. А между тем, как говорят сами юристы, ни по одной группе уголовных дел не бывает так высок процент отмены приговоров.

Вернемся же к тем майским дням, к событиям, предшествовавшим аресту в «Континентале». Все начиналось обыденно и просто. Две студентки-третьекурсницы, сдав очередной зачет, прогуливались поздним вечером по проспекту Калинина, и в поисках чашечки кофе зашли в одиннадцатом часу в ресторан «Арбат». Бар был закрыт, и девушки вступили в препирательство со швейцаром, которое, конечно же, закончилось бы бесславно, если бы не вмешательство одного молодого человека, как раз спустившегося в это время из ресторана в вестибюль. В тот вечер он праздновал свой день рождения и решил, что присутствие двух милостивых девушек украсит мужскую компанию.

Состоялась церемония знакомства. Молодые люди назвали свои имена и фамилии. Представились и девушки. Застольная беседа складывалась на редкость удачно. Нашлись общие интересы: Паата и Алексей, солисты фоль-

клорного ансамбля, пламенно поклонились Терпсихоре. Их неожиданные гости играли в студенческом театре. К тому же у девушек-студенток и двух других участников вечеринки, студентов МИИТа Мирзы и Нодара, было о чем поговорить: шла весенняя сессия.

Танцевали. И, само собой, рождались флюиды влечения, столь естественные в обществе молодых людей. Конечно же, неуместным показалось предупреждение официанта о том, что ресторан закрывается. И таким естественным — предложением Мирзы продолжить вечер в домашней обстановке. Поехали в Строгино, где жил Мирза со своим приятелем Валерием С. Поднялись на лифте на семнадцатый этаж. И дверь квартиры захлопнулась, закрыв от возможных очевидцев и свидетелей все происходившее в дальнейшем.

Давайте и мы остановимся перед этой закрытой в частную жизнь дверью и обдумаем ситуацию. Что, в сущности, произошло? Приятный вечер в ресторане, перспектива на продолжение знакомства. Сколько таких же компаний, знакомых или сведших знакомство по случаю, отправились в тот вечер «догуливать»? Можно ли было по уже происшедшему спрогнозировать ход дальнейших событий? С точки зрения нравов молодых людей, избравших такое времяпрепровождение, все было «на уровне». Именно так охарактеризует потом ситуацию одна из наших героинь.

Ну, а если стать на другую точку зрения, взглянуть на ситуацию с позиций старшего поколения, скажем, с позиций родителей этих милых девушек, проводивших и, видно, не в первый раз, ночь вне дома?

Тут ситуация выглядит не столь безоблачно. Вечер в ресторане с незнакомыми парнями, водка, выпитая девушками, поездка ночью в незнакомый дом... Кто из родителей не обеспокоится таким поворотом событий?

Итак, дверь незнакомой квартиры захлопнулась за нашими, представим на миг, наивными героинями. Как думали они продолжить этот вечер: выпить чаю, посмотреть «видик»? Об этом можно только догадываться, как, впрочем, и о том, что же произошло за закрытой дверью на самом деле.

Читатель с воображением, конечно же, способен представить, как могли развиваться события в квартире, где наедине оказались подвыпившие молодые люди и весьма свободно чувствующая себя с ними девушка. Но кто из нас взялся бы обсуждать отношения, степень сексуальной свободы и арсенал любовных ласк совершеннолетних людей, по доброму согласию или по влечению сердец решивших закончить вечер именно так? Вероятно, никто, если бы дело не приняло совершенно неожиданный поворот. Через два с лишним дня после этой вечеринки, закончившейся, как подтверждают все ее участники, благополучным разездом на такси и обменом телефонами, девушки принесли заявление в милицию о том, что стали жертвами группового изнасилования.

Ни суд, ни следственные органы не располагают достоверными фактами о том, что произошло в ту ночь. Есть только запротоколированные рассказы участников — запутанные, порой взаимоисключающие, с разной моральной оценкой событий, хотя и рисующие в целом картину неприглядную, далекую от каких-либо понятий о нравственности. Знакомимся с таким судебным делом и волей-неволей задаемся вопросами морального свойства. Почему, к примеру, наши скромницы, сообщившие родителям, что провели ночь на даче у подруги, вдруг решаются обнаружить весьма нескромные подробности ночного приключения? Почему столь запоздала их реакция на действительно уничтожительное и страшное для каждой женщины поругание? И почему через два месяца после заявления об изнасиловании девушки обращаются в прокуратуру с письмом, где события той ночи описываются несколько иначе и молодые люди, в сущности, обеляются?

Ответ на эти вопросы следствие не дало, а может, им и не задавалось, находясь под влиянием сложившегося в судебной практике по таким делам стереотипа — поддержания версии потерпевшей. Многие юристы, анализируя дела, связанные с половыми преступлениями, утверждают, что женщины-потерпевшие поставлены в особые для правосудия условия. Несмотря на презумпцию невиновности, мужчина практически всегда оказывается в таких делах в правовом отношении в худших условиях, чем заявительница.

Скорее всего так мыслила и следователь прокуратуры Ворошиловского района Москвы Н. Бутузова, допустившая в ходе следствия грубые нарушения уголовно-процессуального кодекса. Дело возвращалось на доследование. В адрес районной прокуратуры народный суд вынес частное определение, в котором отмечались серьезные недостатки работы следователя.

О компетентности Бутузовой судить, естественно, ее непосредственному руководству. Мы же хотим подчеркнуть, что стереотипное понимание моральной стороны дела ведет и к следственным ошибкам, и к явным нарушениям закона. Явный обвинительный уклон следствия, односторонне истолкованные факты и показания потерпевших сыграли свою роль. Приговор народного суда был тяжок, хотя трое из пяти молодых людей, привлеченных к ответственности, категорически отрицали близкие отношения с девушками.

Правда, Московский городской суд счел возможным принять компромиссное решение, признав несостоятельность обвинения в групповом изнасиловании. Приговор народного суда был изменен. Сроки наказания четверым молодым людям снижены. Согласившись с недоказанностью причастности к делу Пааты Т., городской суд оставил в силе оправдательный приговор.

И все же, несмотря на серьезное смягчение приговора, остается от этого дела чувство какой-то незавершенности, нравственной несостоятельности.

Ведь как бы ни развивались события за закрытой дверью, по каким бы мотивам ни возникли интимные отношения между молодыми людьми и девушками, создававшими, куда может завести их легкомыслие, можно смело утверждать, что существовали все предпосылки для создания аморальной ситуации. Недаром прокурор, выступавший на этом процессе, потребовал вынести частное определение в адрес института, где учились потерпевшие, поведение которых привело к возбуждению уголовного дела.

К сожалению, суд такое определение не вынес, видимо, исходя из того же самого особого отношения к потерпевшим, которое по традиции бытует в судебной практике. Не счел суд существенным и заявление потерпевших, в котором они фактически отказывались от обвинения. А между тем заявление приоткрывало нечто важное и в нравственном облике девушек, и в мотивах их внезапного обращения к правосудию.

Скорее всего, не зная о том, что заявление об изнасиловании не может быть возвращено по просьбе заявителя, они, как это часто случается, попытались использовать ситуацию для выполнения каких-то своих условий. Обычно это или намерение вступить в брак, или попытка восстановить добродетель в глазах общества, а то и вульгарная корысть.

Правовая безграмотность, характерная для многих, неверные нравственные ориентиры, житейская неразборчивость сыграли с этими девушками дурную шутку. Возможно, не вполне представляя, чего же им хотелось добиться на самом деле, девушки по сути сломили жизнь парням, которых и сами-то считали вполне «нормальными».

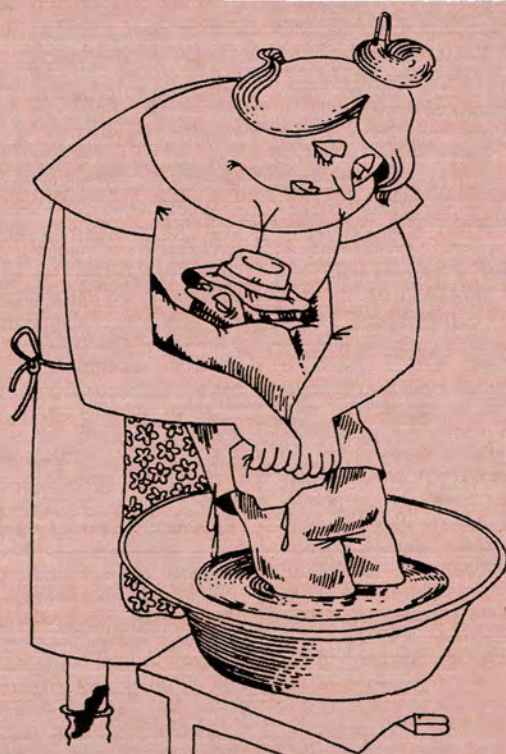
В юридической литературе о половых преступлениях часто встречаются соображения о некоем несовершенстве законодательных положений по этим вопросам. Заботясь о духовном здоровье общества, закон все же не в полной мере учитывает влияние поведения потерпевшей на ситуацию, которую она, порой, сама провоцирует. Несовремена, по мнению специалистов, и практика возбуждения подобного рода уголовных дел, когда так много зависит от настроения, позиции, наконец, от морального облика самой заявительницы.

Давайте посмотрим на случившееся реально. Несмотря на то, что следствию так и не удалось добиться от обвиняемых признания в совершении преступления, что экспертизой не обнаружены характерные для изнасилования телесные повреждения, вина молодых людей не доказана, а позиция заявительниц весьма шатка, парни по-прежнему избегают наказания. Причем судьба их вовсе не исключение.

А мы все еще продолжаем ставить женщину, независимо от обстоятельств, в уникальные для правосудия условия. Не потому ли так смело и безответственно «дамы начинают и выигрывают»?

ВАЛЕНТИН ДРУЖИНИН

Если начать перечисление всех конкурсов карикатуристов, в которых участвовал художник областной молодежной газеты «Комсомолец Запорожья» Валентин Дружинин, и те призы, которые он там получил, то читатель очень быстро уснет, так и не добравшись до его рисунков. Чтобы не произошло столь досадного для нашего автора происшествия, мы предлагаем вам внимательно посмотреть в его добрые глаза и смело хохотать над его творчеством, что лично мы уже с успехом проделали.



- Оля? Лена? Люда?..

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Живая память.
Николай
Чаплин.



БАМ.
Нужна ли эта
дорога?

Скромность
Генералиссимуса.
Короткие рассказы.



Дети алкоголиков.
Фотоочерк.

Тайна подводного
«сейфа» СС.
Документальная
повесть
Виталия Меньшикова.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал
в любом почтовом
отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

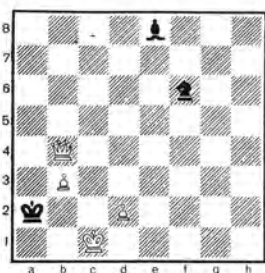


30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

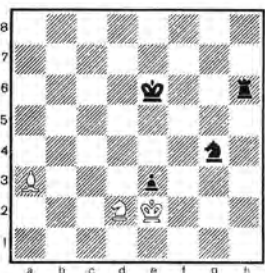
Наша олимпиада подходит к концу. В предпоследнем туре участникам соревнования предстоит решить три новых задания. Решения шахматных этюдов просим присылать на отдельных открытках.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТУР



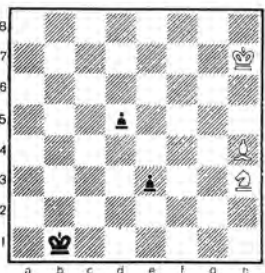
Белые: Крс1, Фб4, пп. b3, d2 (4)
Черные: Кра2, Се8, Кf6 (3)
Мат в 5 ходов (3 балла)

II



Белые: Кре2, Са3, Кd2 (3)
Черные: Кре6, Лh6, Кg4, п.е3 (4)
Ничья (4 балла)

III

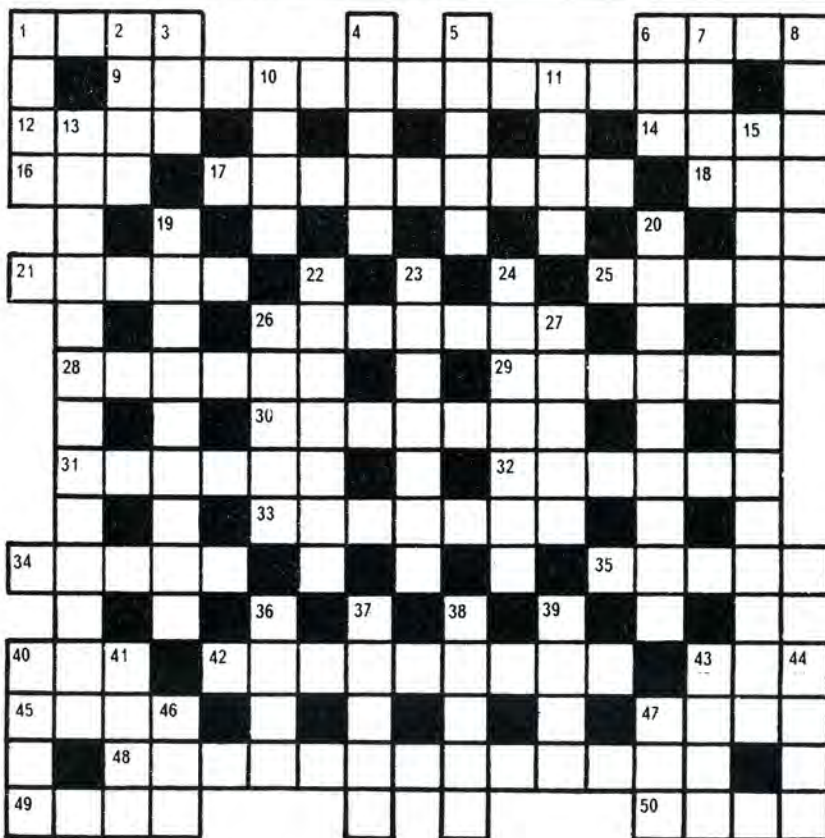


Белые: Крh7, Чh4, Кh3 (3)
Черные: Крb1, пп. d5, e3, (3)
Выигрыш (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 13-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 сентября.

КРОССВОРД

Составил Ю. Кошкин, Москва



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Город в провинции Аньхой в Китае. 6. Канцелярия, контора в западных странах. 9. Константин Коровин как художник в начале творческого пути. У него даже было такое прозвище, хотя он его и не любил. 12. Тайная квартира подпольщиков для встреч. 14. Улов при одной закидке невода. 16. Хоть... на голове теши (об упрямом, не желающем ничего слушать человеке). 17. Морское навигационное устройство; впервые в СССР появилось в 1933 году на мысе Херсонес. 18. Английский архитектор, математик и астроном, разработавший в 1666 году план реконструкции Лондона. 21. Речная рыба с челюстным «замком». 25. Музыкальный инструмент, лучшим исполнителем на котором в нашем веке остается Альберт Швейцер. 26. Продукт, который перекачивали по первому в России магистральному трубопроводу из Баку в Батуми. 28. «Эти в... ушедшие звуки» (из стихотворения И. Анненского, где он, может быть, неосознанно, выразил физическую сущность звукопоглощения). 29. Главная, отдельно стоящая башня в средневековом замке. 30. Самое

многочисленное насекомое. 31. Известный советский критик и литературовед. 32. Прибор, с помощью которого пушкинский Онегин в театре рассматривал дам. 33. Русский поэт, которого всю жизнь преследовали воспоминания об «отвратительной обстановке детских лет». 34. Дельта, эстуарий (общее название). 35. Украинский писатель, автор воспоминаний «Мои встречи с Франко». 40. Торжественное собрание в учебном заведении. 42. Зять Батя, убитый Евпатием Рязанским. 43. Покровитель искусств и ремесел в египетской мифологии. 45. Русский поэт, переводивший Вергилия, Тассо, Ариосто. 47. Горное дерево, у которого встречаются пирамидальная и плакучая формы кроны. 48. Научная дисциплина. С ее помощью в начале 1945 года подводная лодка «С-13» за десять дней обнаружила и потопила два крупных немецких корабля с целой дивизией на борту. 49. Морское животное. Обнаружив охотника, начинает, случается, снизу ломать под ним лед. 50. Жалоба, сетование.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Кабан. 2. «Снежная маска» А. Блока как группа стихотворений. 3. Название двух городов в США. 4. Предварительный набросок. 5. Государство в Азии, где до 1937 года денежной единицей была индийская рупия. 6. Восток. 7. Химический элемент, индикатор присутствия в том или ином районе олова. 8. Город в Перу. 10. Человек с загребущими руками. 11. Одно из русских названий нахала, полпрошайки. 13. Спортсменка. 15. Ценное свойство меди, золота, серебра. 19. Художник, на чьей картине «Крещение Иисуса Христа» фигуру коленапреклоненного ангела слева написал Леонардо да Винчи. 20. Привлекательная работница. 22. Декоративное растение, упоминаемое в «Красном цветке» В. Гаршина. 23. Знак растений. 24. Единственная

опера знаменитого композитора, впервые показанная на сцене в 1805 году под названием «Леонора». 26. Романтическая лень. 27. Феодал в старой Монголии. 36. Животное, действующее хвостом как штукатурным щитком. 37. Денежное наказание. 38. Каждый из прибежавших к папе в стихотворении А. К. Толстого «Бунт в Ватикане». 39. Исполнение вдвоем. 40. Растение с цветами в початках, портландское саго. 41. Хищник, у которого привычка к людоедству может переходить по наследству. 43. Большой кусок полотна, холста как покрывало, скатерть. 44. Бог египетской мифологии, даровавший победы войску фараона. 46. Певчая птица, живущая в верхнем ярусе лиственного леса. 47. Незвестная величина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

7. Цимбалы. 8. Грандам. 11. Стереотип. 13. Намерение. 14. Рубин. 15. Лексика. 16. Лепанто. 17. Планк. 18. Облом. 22. Хитон. 23. Поствозлевание. 25. Экспроприация. 28. Давка. 29. Ярыга. 31. Жакоб. 33. Контакт. 34. Таксист. 35. Минск. 37. Вторжение. 38. Кильватер. 39. Ледоруб. 40. Варезки.

По вертикали:

1. Гигроскоп. 2. Яблочко. 3. Алжир. 4. Урман. 5. Интерес. 6. «Завещание». 9. Иттербю. 10. Биатлон. 12. Пудлингование. 13. Нижневартовск. 19. Мошка... 20. Стель. 21. Чекан. 22. Химия. 24. Шалость. 25. Экстерьер. 26. Ярославка. 27. Агасфер. 30. Скребок. 32. Фальцет. 35. Минус. 36. Китай.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1468) июль

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САОШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)
Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Марина БАЙКОВА



101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14



212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда»,
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 06.06.88.
Подписано к печати 17.06.88.
А 13121. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 025 000 экз.
Заказ № 2577.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

— Ты знаешь, в Ливии просто по-тря-са-ю-щие кошки! Длинные, как балерины...

О кошках заслуженная артистка РСФСР, лауреат международных конкурсов Роксана Бабалян может говорить часами. С трудом, но возвращаемся к теме нашего разговора: о музыке, современной популярной песне, о том, как она стала певицей.

— Я никогда не думала, что буду певицей, тем более что отец всегда считал, по-моему, и сейчас считает, что певица — это не профессия.

А петь я начала в самодеятельности, в Ташкентском институте инженеров железнодорожного транспорта, в который я поступила сразу после школы. Мы организовали джаз-бэнд, и он довольно быстро снискал симпатии любителей джаза. Тогда я впервые почувствовала, как приятно быть «звездой» эстрады, пусть даже местного значения.

Однажды в Ташкент на гастроли приехал эстрадный оркестр Армении. Сердце мое дрогнуло.

К тому времени я уже твердо знала, что моя судьба — сцена. Поэтому шальная и довольно наивная мысль пойти к руководителю известного всей стране коллектива с просьбой взять меня солисткой оркестра в то время казалась вполне естественной. Самое удивительное в этой истории то, что руководитель оркестра народный артист СССР Константин Агапорович Орбелян очень серьезно отнесся к моему предложению. И... согласился.

Оркестр Константина Орбеляна — мой музыкальный университет. Там я по-настоящему училась петь, училась быть певицей...

Я человек тщеславный (хотя не тщеславных артистов вообще не бывает), и поэтому мое обращение к жанру современной популярной песни было predetermined. Вскоре я стала солисткой ансамбля «Голубые гитары». Песня руководителя ансамбля заслуженного артиста РСФСР Игоря Гранова «Дождь» принесла мне звание лауреата (первая премия) престижного эстрадного конкурса «Шлягер-фестиваль» в Дрездене в 1976 году.

Но, если честно, то я не очень люблю вспоминать и говорить о своем участии в международных конкурсах. И не только потому, что скромность украшает человека.

Я участвовала в четырех конкурсах и довольно успешно. Но каждый раз оказывалось, что мой успех был нужен только мне са-

мой. Я всегда белой завистью завидовала и завидую спортсменам — тем, кто возвращается с победой домой после каких-нибудь крупных международных соревнований. Любо-дорого смотреть, как их встречают в аэропорту: с транспарантами, цветами. Об их победах пишут все газеты, и не только спортивные. Их показывают по телевидению, о них говорят по радио...

А разве победа советского певца на престижном международном конкурсе меньше значит? Но, увы, нас, за редким исключением, вниманием обходят.

Говорят, что надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве. И тем не менее... Радио и телевидение, показывая певца, обращают на него внимание не только любителей музыки, но и поэтов, и композиторов. Что зачастую рождает новые творческие союзы.

Думаю, будет справедливо, если певец, победивший на ме-

ждународном конкурсе, получит право на внеочередное эфирное время.

...Сейчас, когда многие певцы ударились в рок-музыку, я не собираюсь отказываться от лирической темы в песне. Однако мне не хочется быть и старомодной. Вот почему песню «Счастье близко, счастье далеко», которую специально для меня написали Владимир Матецкий и Михаил Шабров, считаю для себя этапной. Она написана современным музыкальным языком и в то же время продолжает лучшие традиции советской лирической песни.

Кстати, эта песня стала как бы отправной точкой для моей новой пластинки, которая называется «Роксана».

Роксана уходит и через минуту возвращается с конвертом грампластинки. На его обратной стороне — фотография: Роксана сидит на диване, а рядом с ней... кошки.

— А кошки здесь при чем?

— Очень просто: например, песня «Как бы не так» о жизни кошек, вернее, кошечек. Кошки...

...О кошках она может говорить часами.

Михаил ДЕНИСОВ

РОКСАНА БАБАЯН



Фото Владимира ХЕТАГУРОВА